

Дельта Вёрона

*Посвящается памяти А.В. Суворова,
доктора психологических наук, ведущего
научного сотрудника МГППУ*

*«- Где эта планета? - Осведомился биолог Эон Тал.
- Не та ли, которую Совет собирается заселять?
- Та самая. В память ее назван был погибший теперь
«Альграб».
- Звезда Альграб, иначе Дельта Ворона! –
Воскликнул биолог. - Но до неё очень далеко!..»*

И.А. Ефремов. «Туманность Андромеды»

Глава 1. Очень далеко

В тусклом свете, отражавшемся от потолка, шкалы приборов казались галереей портретов. Возле одного из них, действительно напоминающего слабо подсвеченную красными и зелеными огоньками картину древнего художника-абстракциониста, стоял высокий, чуть ссутулившийся человек. Он облокотился рукой о стоящее рядом кресло и, немного склонив голову, вглядывался в «портрет». Приглушенный свет в помещении скрадывал черты лица и подробности фигуры, лишь тускло поблескивали светлые короткие волосы и были видны неподвижные глаза, напоминающие стеклянные линзы, по непонятной прихоти вставленные в манекен.

Раздался легкий щелчок, в одной из стен протаял не слишком широкий дверной проём. Свет в помещении вспыхнул ярче и человек возле прибора выпрямился, оборачиваясь. Его волосы, выглядевшие светлыми в полутемном помещении, оказались абсолютно седыми и не сочетались с ещё достаточно молодым и открытым лицом. Само же лицо, напоминавшее секунду назад неподвижную маску, разительно изменилось, озаряясь улыбкой вошедшему.

- Доброе утро, Соль! - Раздался мягкий и приветливый женский голос, и в помещение вошла высокая молодая женщина с густой копной черных волос, забранных в небольшой хвост. Такие же глубоко черные глаза ласково и встревоженно обежали фигуру мужчины.

- Доброе, Ора, - улыбаясь уже одними глазами отозвался командир звездолёта «Альграб», начальник вспомогательной тридцать седьмой звездной экспедиции Соль Арк¹, оглядывая пост управления и сделав несколько шагов навстречу женщине, - ты опекаешь меня, как ребёнка!

- Ты мужчина, а это иногда почти то же самое, даже теперь, -

¹ Люди будущего имеют не привычные нам традиционные имена и фамилии, а двусоставные имена, которые иногда для удобства сокращаются и используется только одна часть. Выбор имен производится по любому понравившемуся созвучию и вполне может изменяться человеком с возрастом, включать слова из родных языков предков и т. п. Также в едином всепланетном языке будущего нет строгого разделения на «ты» и «Вы» при обращении к другому человеку, а скорее имеет место аналог английского «You». Привычное нам «ты» будет пониматься из контекста в случае общения близких друзей, возлюбленных.

рассмеялась в ответ Ора, взяв начальника под руку, - прошу проследовать на осмотр, командир. Не стоит подавать дурной пример экипажу и скрываться от меня по всему кораблю!

Соль Арк не стал возражать, хотя скрываться он и не собирался. Его не обманули ни показная веселость тона Оры Гарм, ни легкие командирские нотки в голосе врача экспедиции. Сердце жжалось от сочувствия и желания поддержать совсем ещё молодую, но стойкую женщину. Беспрекословно позволив увести себя в медицинский блок, Соль Арк спокойно разделся и лег в приемник врачебного анализатора, чем-то напомилавший хрустальный гроб из старинных земных сказок ЭРМ - Эры Разобщенного мира². Глядя на серьёзное и внимательное лицо Оры, манипулировавшей с приборами, Соль Арк вновь поневоле погрузился в мысли о событиях минувших дней, резко разделившие жизнь его корабля и экипажа на до и после.

...Пелена забытья медленно рассеивалась. Осознание себя как личности после долгого гипнотического сна происходит не сразу: сначала пробуждающееся сознание выступает безучастным наблюдателем того непонятого, что проплывает перед глазами, которые ещё не способны отличить реальность от наваждения. Потом появляются первые ростки мыслей и мозг неосознанно пытается охватить мир вокруг и понять своё место в нем. Этому помогает легкая ритмичная музыка, постепенно становящаяся все энергичнее и мажорнее. Тело в определенных точках приятно покалывает едва уловимые электрические импульсы, сознание окончательно проясняется, но ещё некоторое время необходимо лежать до полного восстановления. Тем не менее, хочется поскорее встать и с головой окунуться в любую активную деятельность, особенно знакомую и любимую.

Так было всегда, но не в этот раз. В приятную музыку пробуждения вклинились резкие тревожные нотки, в лицо пахнуло прохладным слегка влажным ветром с запахом озона, сердце забилось чаще, реагируя на мощный приток кислорода.

2 Эра разобщённого мира (ЭРМ) - собирательное обозначение периода в истории человечества, для которого характерно разделение общества на отдельные племена, а позднее народы и страны, сталкивающиеся в военной, экономической и культурной вражде. Завершится сокрушительными мировыми войнами, после которых начнётся объединение человечества и построение коммунистического общества (здесь и далее частично используется терминология, принятая И.А. Ефремовым в романе «Туманность Андромеды»).

Завибрировало спальное ложе и Соль Арк осознал себя командиром и начальником экспедиции, которого заботливые автоматы начали будить в аварийном режиме. Не дожидаясь полного пробуждения, он почти вывалился из спального кокона на пол своей каюты. Ползком пробираясь к двери, Соль Арк успел отстранённо подумать, что если всё ещё жив, проснулся и мыслит, следовательно, речь идёт не о мгновенной космической катастрофе, когда слишком медленное человеческое сознание в оставшиеся ему миллиардные доли секунды даже не замечает собственной смерти.

Реальность оказалась одновременно и лучше, и хуже любых ожиданий. Мгновенная космическая катастрофа всё же случилась, но не вызвала полного разрушения звездолёта. Скорее, наоборот: «Альграб» остался относительно цел, но ударом метеорита лишился трех из четырех маршевых анамезонных двигателей³, а также целостности прилегающего технологического отсека. Четвертый анамезонный двигатель, сохранив работоспособность, полностью утратил управление. Мощная противорадиационная изоляция жилых и рабочих отсеков корабля сыграла роль брони, выдержав град осколков разрушенной части корпуса и сохранив жизни хрупкого человеческого груза. После нескольких дней тяжелой работы по выяснению и оценке повреждений стали ясны полная картина произошедшего и наиболее вероятное будущее корабля и экспедиции.

Соль Арк в очередной раз почувствовал столь редкие для современного человека бессилие и горечь, подумав про звездолет основной экспедиции «Тантра» и судьбу её экипажа. Они так и не дождутся столь необходимого груза анамезонного горючего, который «Альграб» должен был доставить к теперь уже навсегда недоступной точке встречи. Потеря двигателей сделала невозможным предстоящий маневр корректировки курса и звездолет продолжил нестись со скоростью сто пятьдесят тысяч километров в секунду, постепенно уклоняясь в сторону по естественной неточности курса. Огромная работа по организации и осуществлению их сложной составной экспедиции, конечно, не

³ Анамезонный двигатель — ядерный двигатель, использующий в качестве топлива анамезон — вещество с разрушенными мезонными связями ядер, обладающее световой скоростью истечения (фантастическое). В настоящее время представлениям об анамезоне наиболее близка кварк-глюонная плазма.

пропадет напрасно, но задача «Тантры» значительно осложнится. Если загадочно молчащая много лет планета Зирда - цель первого этапа пути «Тантры» - по каким-то причинам не сможет снабдить её анамезоном, то корабль почти наверняка обречен. Вернуться на Землю без топлива от «Альграба» отважные путешественники едва ли смогут. Тем более не смогут они продолжить свой путь дальше на Вегу, что было второй задачей экспедиции.

Мысли командира вернулись к «Альграбу». Можно попытаться затормозить звездолёт уцелевшими планетарными моторами и, скорректировав курс, двигаться к месту встречи, но оставшийся путь без возможности набрать ускорение займет несколько десятков тысяч лет. Соль Арк больше из привычки к конкретным данным попытался мысленно подсчитать точное время полета, но тут же бросил эту затею по причине её очевидной бессмысленности. Можно оставить всё как есть, и примерно через сорок независимых лет корабль пройдет на расстоянии светового года от красного карлика ГСК682+28ТО, когда-то называвшегося земными астрономами Глизе-682. Запасов питания, воды и кислорода на корабле, с учетом всех возможностей регенерации и наличия неиспользованных запасов для «Тантры», хватит, чтобы долететь до окрестностей звезды. Но как потом за время человеческой жизни преодолеть оставшийся световой год без возможности изменения курса? И даже преодолев его пока неизвестным способом, что делать в системе тусклого и холодного красного солнца с вероятно безжизненными планетами?

«Впрочем, - поправил он себя, - этот вариант пока не стоит отмечать безапелляционно и необходимо обдумать более детально. Тем более, это может быть полезно для постановки дальнейшей задачи, придания нового смысла нашему полету как таковому. А вместе с этим и смысла нашей дальнейшей жизни».

Соль Арк внезапно всей кожей, как живое существо, ощутил свой звездолет и ему на ум невольно пришло сравнение с альпинистом-одиночкой, упавшем в глубокое ущелье и сломавшем позвоночник. Альпинист лежит на спине раскинув руки и не чувствует боли, но не может шевельнуть и пальцем. На неподвижном лице живут только глаза, которые до рези могут всматриваться в неистово горящее бездонное синее небо. Альпинист тепло одет и не страдает от холода, он не голоден пока, но забрать его некому, позвать на помощь некого, да и не может он

этого сделать. Только если какой-нибудь хищный зверь набредёт на беспомощное тело и относительно быстро, в меру везения или невезения несчастного, прекратит мучения беспомощного разума.

Легкое гудение медицинского прибора смолкло, крышка «гроба» поднялась. Командир стиснул зубы и почти рассердился на себя за минутную слабость. Выслушав информацию, что он находится практически в идеальном состоянии и авария в целом никак не отразилась на здоровье, кроме крайней степени утомления последних дней, Соль Арк снова приветливо улыбнулся Оре и предложил пройти в библиотеку-лабораторию корабля, на общий совет.

Вспомогательный звездолет по своему назначению представлял собой большой транспортный корабль, поэтому не имел на борту группы исследователей. Однако каждый член его экипажа, помимо основных обязанностей по управлению кораблем, отдыха, а также обязательных спорта и танцев, всё свое свободное время посвящал продолжению обучения. Астрономия, математика, кибернетика, психология, космическая биология, общественные науки и даже языки соседей по Великому Кольцу не оставались забытыми семью участниками экспедиции «Альграба». Временно и по доброй воле оставившие Землю люди во время полета вовсе не чувствовали себя потерянными, зная, что их опыт в космосе, обогащенный новыми знаниями, обязательно пригодится на родной планете и в любых уголках Солнечной системы. Четверо из членов экипажа уже решили, что после полученного в коротком полете опыта — срок экспедиции не должен был превысить пяти зависимых и восьми земных лет — обязательно продолжат космические полеты, на этот раз в составе больших экспедиций к новым звездным мирам.

Библиотека-лаборатория, подлинное сердце и мозг корабля, никогда не оставалась пустой и представляла из себя достаточно просторное, но очень уютно обставленное помещение с мягкими креслами, большим столом для общих собраний, который мог быть легко превращен в отдельные столики для самостоятельных занятий. Также здесь была одна из панелей управления корабельной вычислительной машиной, имевшей кроме прочего в своей памяти почти необъятную электронную библиотеку книг и стереофильмов.

Молодой экипаж «Альграба», в составе которого Соль Арк в

свои сорок лет был самым старшим, не сразу до конца прочувствовал всю глубину случившейся с ними катастрофы. Люди знали всё о произошедшем и примерно понимали последствия, но осознать, что жизнь резко и навсегда изменилась, было нелегко. Тем более, внешне об этом мало что напоминало. Авария произошла в момент смены дежурных: электронного инженера Бас Гора и астронавигатора Свею Люми должны были на два месяца сменить командир звездолета и второй астронавигатор Тео Стайн. Включенный автоматами аварийный режим поднял весь экипаж, который после недели непрерывной работы по определению состояния корабля и попыток ремонта собрал данные, достаточные для объективной оценки положения экспедиции. После этого Соль Арк собрал своих спутников на итоговый совет, умышленно строго не позволяя ни малейшего отступления от раз и навсегда установленных правил. Войдя вместе с Орой в библиотеку-лабораторию, где уже собрались остальные, он кивнул всем, не торопясь, но и решив не затягивать тяжелый разговор.

Шесть пар внимательных, взволнованных глаз смотрели на своего командира. За всё время полёта между ними ни разу не возникало случая серьезного непонимания или конфликта. Тщательно отобранный ещё на Земле экипаж быстро сдружился, объединенный общими целями этого пути и мечтами о будущем. В этом и была главная опасность и угроза: как заставить жить ещё очень молодых людей, которые уже начали осознавать, что мечты, планы и цели, близкие и дальние, полностью разбиты, а они сами практически мертвы? И есть ли смысл их заставлять жить, продлевая в бесконечность горечь о навсегда потерянном мире?

Долгая и тяжелая история покорения звездных путей знала немало похожего на ситуацию с «Альграбом», сохранив память о навсегда и бесследно исчезнувших кораблях. Если проходили все сроки, а звездолет так и не выходил на связь, не было случая, чтобы кто-то возвращался. Оставалось только строить предположения о судьбе пропавших и надеяться, что их участь не была слишком тяжелой. Космос относительно милосерден в смысле способа смерти — всё происходит почти мгновенно и в большинстве случаев погибающие ничего не успевают почувствовать и осознать. Однако исключения в виде попадания потерявшего ход и управление звездолёта в сферу притяжения

планеты-гиганта либо звезды, последующее падение на них, также были нередки. В этом случае гибели предшествовала тяжелая безуспешная борьба и порой экипаж успевал направить последнее прощальное сообщение. Звездолётчики отлично понимали при вылете, на что идут, и смысл передачи был не в жалобе на свою тяжелую участь, а в попытке предостеречь оставшихся от смертельной опасности. Получение подобных сообщений было тяжелым испытанием для всей планеты. Но все знали, что мужество и гибель героев-путешественников не были напрасными и память о них свято сохранялась.

Потеря ходовых моторов при сохранении корабля и жизни астролётчиков считалась исключительно маловероятным, но не невозможным событием. Выбор дальнейших действий оставался на усмотрение Совета экспедиции, при этом детальных инструкций на случай подобного исхода не разрабатывалось. Действовало общее правило, давно ставшее обычным для всех людей Эры Великого Кольца, но известное ещё с незапамятной древности: бороться с теми обстоятельствами, которые в силах изменить, принять то, что изменить не в силах, и иметь мудрость отличить одно от другого. Совет единогласно должен был принять решение продолжать уже бесполезное путешествие до полного исчерпания запасов и конечной гибели, либо тем или иным способом эту гибель ускорить. Однако считалось неправильным немедленное принятие самоубийственных решений в случае отсутствия непосредственной угрозы мучительной смерти. Всегда оставался небольшой шанс на счастливую случайность либо вероятность ошибки в оценке положения, которых не избегали самые опытные путешественники.

Соль Арк не стал тратить много слов, пытаться смягчить либо излишне драматизировать произошедшее. Сжато и ясно изложив выводы о состоянии корабля и систем, он кивнул Оре Гарм и врач экспедиции добавила, что экипаж в целом благополучно перенес аварию и её последствия. Личные рекомендации для каждого были даны и все, кроме командира (тут Ора коварно улыбнулась, вызвав общий смех), их исполняют.

- Какие у нас остаются варианты решения? - с согласия начальника Тео Стайн задал вслух решающий вопрос. Светловолосый, курносый и с веснушками, он напоминал молодого персонажа древних скандинавских саг. Волнение на совсем юном лице сделало астронавигатора похожим на мальчишку, ученика

школы третьего цикла.

- Направить сообщение на Землю с нашими координатами, - почти сразу откликнулась астроном Найя Матар, - может быть, Совету удастся связаться с «Тантрой», и она сможет отыскать нас?

Тео неопределенно покачал головой и вынужден был возразить. Найти поврежденный «Альграб» в районе в виде сферы радиусом в несколько триллионов километров, не зная точного направления, было почти невыполнимой задачей. Теоретически, имея неограниченный запас топлива и времени, зная точный район бедствия, можно было попытаться. Но на практике подобные поиски были бы похожи на попытку вручную найти древнюю иглу в стоге сена размером с небольшой город. Кроме того, точно сориентировать передачу для призыва о помощи или связи с другим звездолетом вне зоны связи на планетарном приёме было невероятно трудно само по себе. И наконец, и все это знали, «Тантра» осталась практически без горючего, если только не пополнила запас сверх нормативного уровня на Зирде. Найти «Альграб» она смогла бы лишь при невероятном стечении обстоятельств, и при условии, что авария произошла бы чуть ближе к месту встречи.

- У меня была другая мысль. - Подал голос Рами Ант, инженер двигательных систем. Три из четырех маршевых анамезонных двигателей, безусловно, разрушены и в наших условиях отремонтировать их невозможно. Даже на Земле звездолет с такими повреждениями никто бы не стал восстанавливать. Тем не менее, у нас остался цел двигатель номер четыре, потерявший управление. Я бы попытался восстановить электронные связи и переставить на него отражатели одного из планетарных моторов. Это работа не на месяц и не на год, но в случае успеха мы получим около двадцати процентов мощности и сможем пойти к Земле. Время в пути многократно возрастет, но этот вариант мне кажется реализуемым.

- Восстановление связей и регулировку я попытался сделать в первые же часы. - Ответил до этого задумчиво молчавший электронный инженер Бас Гор. - Однако, очевидно, вместе с самим технологическим отсеком полностью разрушен блок управления. Автоматика заблокировала двигатель в холодном режиме, а сами процессоры входного устройства уничтожены. Это технически решаемая проблема, можно попробовать соединить двигатель

механически с МНУ обычными кабелями и передать ей часть функций непосредственного управления. Однако возникшая при аварии перегрузка нарушила работу ряда алгоритмов самой управляющей машины и мне пока не удастся их выстроить, - добавил инженер чуть виновато. - Впрочем, - голос Бас Гора стал твёрдым и серьёзным, а узкие черные глаза на лице с легкими монгольскими чертами ещё больше потемнели, - если Ора поможет, я попытаюсь подключиться напрямую к МНУ, может быть удастся пересобрать цепь на другом участке.

Все собравшиеся обменялись быстрыми взглядами. Астронавигаторы и астроном с непониманием, а в глазах инженера двигательных систем и врача, понявших суть предложения, мелькнула оторопь. Соль Арк, молча слушавший спутников, поднял руку.

- Об этом не может быть и речи, - коротко сказал он, и, посмотрев на побледневшую Свею Люми, продолжил, - предложенный вариант подразумевает использовать в качестве блока памяти и процессора непосредственно мозг человека, что грозит поражением нейронов от перегрузки информацией. Собственно, такая возможность на Земле никому бы не пришла в голову и не рассматривалась. Нейроны, клетки головного мозга, это проводники электрических импульсов. Прямое подключение к МНУ для замены миллиардов операций управления двигателем грозит их выгоранием. В лучшем случае, вы, Бас, немедленно сойдете с ума, в худшем погибнете. Мы не можем себе позволить рисковать человеческой жизнью, жизнью нашего брата, ради неопределенной возможности, даже по вашей собственной инициативе, даже ради общего спасения. Должны быть другие варианты. И они будут, мы уже обсудили несколько.

Соль Арк помолчал, и хор голосов поддержал его слова. Свея Люми смело обняла Бас Гора и тот, немного виновато улыбнувшись, погладил её по руке.

- Сейчас же давайте решим вот что. - Продолжил начальник экспедиции. - Мы продолжаем лететь в сторону от Земли по расходящейся кривой от места встречи с «Гантрой» на одной второй световой скорости. Чтобы резко повернуть в сторону либо к Земле, нам нужно затормозить звездолёт. После торможения набрать новое ускорение будет нечем. Либо мы тормозимся здесь и пытаемся отремонтировать двигатель номер четыре, либо летим

дальше. Впереди по нашему курсу, на сорок лет пути с нынешней скоростью и отклонением на полтора года полета звезда ГСК682+28ТО, в Скорпионе. По нашим сведениям, - Соль Арк взглянул на астронома, и та утвердительно кивнула, - звезда имеет систему из шести планет, две из которых расположены в зоне обитаемости. Для нас наиболее интересна меньшая, массой примерно в одну и четыре десятых земной. Несмотря на близость к своей звезде, планета не находится в приливном захвате⁴, что достаточно редкий случай для систем звёзд класса М. Это делает чуть более вероятным наличие какой-нибудь жизни. Однако экспедиций в эту систему не совершалось и утверждать, что мы сможем найти там жизнь, я не могу. Каких-либо сведений по Кольцу также не поступало. Мы можем лететь в её сторону и пытаться постепенно исправлять курс по доле градуса планетарными моторами, что реально даже на нашей нынешней скорости, хотя и опасно, либо можем остаться здесь. При удачном ремонте мы вернемся на Землю лет через двадцать. Я спрашиваю мнения Совета. Пусть каждый обдумает предложенные пути решения либо внесет другие и через час даст ответ. Предлагаю пообедать, как раз подошло время!

После обеда и короткого отдыха экипаж снова собрался в библиотеке-лаборатории за круглым столом. По тому, как Свея Люми в этот раз села между врачом и начальником, Тео понял, каковы будут мнения членов экспедиции. Как он и предполагал, большинство высказались за продолжение полета при попытках ремонта двигателя на ходу. Бас Гор и Рами Ант предлагали рискнуть и остановить «Альграб» для ремонта и попытки скорейшего возвращения на Землю, однако вынуждены были согласиться с более компромиссным мнением остальных.

- В конце концов, если всё получится, мы потеряем лишь несколько лет. В случае неудачи попробуем добраться до

⁴ Приливный захват (иначе синхронное вращение) - ситуация, когда гравитация заставляет небесное тело всегда обращать к другому телу одну и ту же сторону. Явление характерно для планет, находящихся на близкой орбите у своих звёзд, либо близко расположенных спутников планет. В этом случае оборот планеты (спутника) вокруг своей оси обеспечивает не собственное вращение, а облёт по орбите вокруг центрального тела при фиксации приливными силами положения спутника в направлении к планете, либо положения планеты в направлении к звезде. Наиболее близкий нам пример – Луна, обращённая всегда одной стороной к Земле.

Скорпиона и исследуем новую планетную систему. У нас нет экипажа исследователей, но стоит попытаться справиться самим. Наша жизнь слишком коротка, чтобы всю её тратить только на попытки спастись. Случай может подарить нам редкий шанс: случись авария хотя бы месяц назад, впереди была бы пустота на сто световых лет. Постараемся принести пользу родной планете даже в наших условиях. Соберем достаточно сведений, точно сориентируем и передадим сообщение о нашем пути и открытиях на Землю. Наши труды не пропадут впустую. - Подвел общий итог Соль Арк и возражений ни у кого не нашлось.

Составление детального плана работ, ранее никем не выполнявшихся вне условий специализированного завода и при этом в открытом космосе, заняло ещё несколько недель. Весь без исключения экипаж «Альграба» был занят сложнейшими расчетами, пришлось совершить несколько опасных выходов к разрушенному технологическому отсеку. Особенно большая нагрузка легла на врача, которой помимо несвойственных ей функций было необходимо внимательно следить за физическим и особенно психологическим состоянием участников экспедиции. Работавших с огромным самоотречением людей приходилось буквально заставлять делать перерывы для отдыха и приема пищи. Чтобы избежать общего эмоционального выгорания, Ора Гарм каждый вечер по корабельному времени собирала экипаж для совместного досуга. Не самой легкой задачей для неё стал отбор стереофильмов для общего просмотра. С одной стороны, увиденное должно было вдохновлять экипаж перед тяжелой работой или наоборот, давать эмоциональный отдых после неё, а с другой не вызывать приступов острой тоски по дому. Устоявшийся годами корабельный график с долгими дежурствами по два-три человека, гипнотическим сном остальных и редкими побудками всего экипажа, был сломан, теперь постоянно бодрствовали все. Это и облегчало, и одновременно осложняло работу врача.

Несмотря на бодрый вид, кипучую работу и дружескую поддержку со стороны каждого все понимали, что шансов на успех у них немного. Предложенные варианты спасения были весьма предварительными и скорее представляли собой проявления нормального человеческого желания во что бы то ни стало бороться с обстоятельствами. Ясный разум врача также видел за этим накопленное опытом тысяч поколений и отшлифованное

знаниями и воспитанием Эры Великого Кольца стремление здоровой психики быть полезным для своего ближнего, отдать всё ради своих собратьев. Каждый старался для всех, и все боролись ради каждого в отдельности. Порой участников экспедиции не покидало ощущение, что они понимают друг друга без слов и чувствуют состояние каждого, даже на видя его рядом.

Понимая, что постоянно находиться в состоянии такой «звонящей струны», как выражался её учитель Аф Нут, здоровый человек не может, Ора старалась всячески разнообразить совместные вечера, добавляя к просмотру стереофильмов различные нововведения. Ежедневные спорт и танцы, всегда бывшие обязательными в межзвездных экспедициях, никто и не подумал ограничивать даже в условиях устранения последствий аварии. На данном этапе в каком-то смысле на пользу экипажу шел тот факт, что ситуация не могла быть исправлена немедленно, результата невозможно было достигнуть кратковременным предельным напряжением сил. Здесь требовался абсолютно иной подход: тщательно рассчитанный, дозированный режим труда и отдыха, нагрузки и расслабления.

Спорт и танцы дополнялись самыми невероятными номерами из балетных и цирковых постановок, какие только были возможны в условиях звездолёта. Наибольшего успеха здесь добились очень смуглая и гибкая, похожая на древних женщин Востока, Найя Матар, и её полная противоположность — белокожая, светловолосая и голубоглазая, столь же быстрая и ловкая, но очень сдержанная в обычной жизни Свея Люми. Их сложные совместные номера всегда вызывали живейший интерес и восторг у товарищей. Высокая, с широкими бедрами и величественная Ора не пыталась с ними тягаться и предпочитала более традиционную спортивную гимнастику и йогу. Мужчины старались не отставать, добавляя к танцам и силовым тренировкам парные занятия единоборствами. Здесь первенство держал Бас Гор, напоминавший в сером тренировочном кимоно древнего японского воина — самурая. Конкуренцию ему мог составить только Соль Арк, в основном за счет физической мощи и высокого роста, что, однако, помогало ему далеко не всегда.

Рами Ант радовал всех регулярной игрой на маленьком электронном скрипко-рояле. Несмотря на наибольшую из всех загруженность работой, он неожиданно для себя самого нашел

отдых в сочинении музыкальных композиций, вдохновляясь произошедшей аварией и самоотверженностью спутников.

Самый молодой и немного застенчивый Тео Стайн открыл в себе талант чтеца и быстро стал считаться в экипаже знатком древней истории и литературы. Одним из любимых моментов совместных вечеров стало чтение им вслух различных книг, обычно не очень больших рассказов и повестей, а затем совместное обсуждение сюжета, наиболее спорных или острых моментов. Столкнувшись с большой общей бедой люди не считали свою ситуацию чем-то из ряда вон выходящим, сохранив чувствительность и живой отклик на, казалось бы, вполне земные книжные истории.

Так, долгое обсуждение и жаркие многодневные споры вызвала прочитанная Тео книга древнего автора Эры Разобщенного мира, написанная в достаточно популярном в конце двадцатого и двадцать первом веках жанре космического боевика. В ней описывалась история противостояния земного человечества и представителей инопланетного разума, абсолютно чуждыми человеческому облику и морали, поставившими цель поработить, а впоследствии уничтожить человечество. Древний автор не разделял земную историю на периоды развития общества и производительных сил, а ограничивался принятым в своё время хронологическим разделением на столетия. Временем действия произведения являлся двадцать четвертый век, что почти на тысячу лет отстояло от Эры Великого Кольца. Для экипажа «Альграба» с самого начала показалось несообразным огромное технологическое могущество землян, описанное автором - почти мгновенные перемещения в пространстве, в том числе к границам наблюдаемой Вселенной и даже за её пределы - и сохранение невероятно архаичных общественных отношений. Богатая фантазия автора, наряду с прогрессивными для своего времени рассуждениями об устройстве космоса, создала странное для людей Кольца представление об обществе и людях будущего, скорее напоминавшее худшие образцы ЭРМ. Формально единое земное человечество представляло собой федерацию и было разделено на скрыто или явно на противостоящие друг другу страны и самостоятельные финансово-промышленные группы. Федеральный центр описывался преимущественно в негативных тонах как учреждение, влияние в котором полностью захвачено проникшими

под тем или иным видом в земной социум инопланетными эмиссарами. Было выделено сохраняющееся разобщение государств, в которых симпатии автора были на стороне России как оплота мира и традиций человечества. Китай и в широком смысле Азия в целом были показаны как общество муравьиного государственного капитализма с жестким диктатом власти, также связанной с инопланетными эмиссарами. Страны так называемой Западной цивилизации с одной стороны выглядели как характерное для конца ЭРМ гротескное представление о Европе того времени как об обществе изнеженных, интеллектуально и физически неразвитых людей, подверженных разнообразным психологическим недугам. С другой стороны, вскользь давалось представление о радикальной религиозности остальной части населения, особенно среди последователей весьма распространенной и набравшей популярность во времена написания книги исламской религии. Примерно в подобных красках описывались и Соединенные Штаты Америки, как некогда одна из крупнейших и влиятельнейших стран, и представлявшая собой главного, наряду с Китаем, противника России и практически основную ударную силу инопланетных захватчиков на Земле. Не смог избежать автор и злободневных для своего времени представлений о небольших государствах Европы, таких как Польша, Прибалтика и Украина, перенеся конфликты России с ними в двадцать четвертый век.

Наибольшее удивление и даже возмущение у звездолётчиков вызвало представление автора об инопланетных цивилизациях. Странная для людей Кольца убежденность в полной непохожести жителей большинства иных звездных миров на землян не была чем-то новым для древней фантастической литературы и объяснялась отсутствием диалектического подхода либо слабыми познаниями авторов в эволюционной биологии. Но перенос господствовавших в ЭРМ представлений о людях и их конфликтах в неустроенном обществе в космический масштаб, непонятная убежденность в неизбежности столкновений космических цивилизаций вызвали у экипажа «Альграба» особенно резкое неприятие.

- Как можно всерьёз рассуждать об агрессивности разума, о различных видах логики, если вся Вселенная подчинена одним и тем же законам и развитие живой и неживой материи происходит в

соответствии с ними? - Возмущался Тео Стайн как один из наиболее активных участников обсуждений. - Автор рассуждает о враждебных землянам цивилизациях жаб, парнокопытных, термитов, рептилий, наделяя их преимущественно негативными чертами. Как могла ему не прийти в голову простая мысль, что развитие производительных сил обуславливает развитие общества определенным образом, от низших форм организации общества к высшим? Точно также, как борьба с энтропией обуславливает развитие биологической жизни, также строго определенным образом, уже в рамках биологической целесообразности?

- Не торопись в суждениях, Тео, - возражала вдумчивая и более рассудительная Свеза Люми, - автор, очевидно, не имел основной целью показать общество будущего и возможные пути к нему. Скорее, он писал о своих современниках, возможно ставя прямо противоположную задачу: показать каким не должно быть общество и отдельные люди, какими не должны быть отношения различных цивилизаций между собой. Кроме того, указание на различные виды логики и явную разность внешнего облика землян и пришельцев могли быть связаны с характерным для поздней ЭРМ расщеплением как общества, так и внутреннего «Я» отдельного человека. Неустойчивость общественной жизни, при которой сознание среднего человека цепляется за привычные представления и находит утешение в пределах своего узкого мирка из самых близких людей и привычных вещей, порождает отношение ко всем остальным как к чужакам. Крайняя зависимость каждого от универсального мерила стоимости общественного труда — денег — только усугубляла расщепление сознания отдельного человека между желанием закрыться в своем круге и необходимостью всё более широко открываться обществу для того, чтобы эти самые деньги использовать. Отсюда боязнь чужаков и всего незнакомого в целом, общее стремление людей того времени акцентировать внимание на различиях, а не на общем. Тем более, добавьте сюда осознанное стремление олигархии — истинных властителей стран и отдельных людей — к разобщению и конкуренции всех со всеми, вместо общего труда всех на благо каждого. Вот и получается, что люди и целые цивилизации противопоставлены друг другу, начиная от внешнего облика и заканчивая моральными представлениями.

- Мне книга не понравилась даже не этим, - присоединился к

обсуждению Соль Арк, - а скорее тем, что показывая пороки такого общества и образа мышления, автор ничего не говорит об их преодолении. Главные положительные герои книги показаны как собирательные образы лучших человеческих черт: смелы, умны, добры и красивы. Но ничего не сказано про возможность оздоровления общества в целом: хорошие хороши просто потому, что они такие хорошие, а плохие просто плохи сами по себе. С инопланетным разумом то же самое. Для нас кажется странной такая постановка проблематики, но в книге вопрос о причинах носит несколько идеалистический характер, связан с абстрактным духом персонажей, даже отдельных народов и обществ, а не конкретной материальной основой устройства цивилизации.

- Не забывайте, друзья, что мы сейчас обсуждаем по большей части развлекательную книгу, которая была призвана в первую очередь скоротать время человека, свободное от основных занятий, - заступилась за древнего автора Ора Гарм. - Даже то, что писатель, хотя и не бесспорно с нашей точки зрения, но активно и в достаточно увлекательной манере привлекал внимание к вопросам освоения космоса, к научному познанию, делает ему честь. Не забывайте, что книга написана в России в начале разрушительного шестого периода ЭРМ, или первой половине двадцать первого века, как сказали бы тогда. Это время упадка интереса к науке и научным знаниям, время разгула свирепой реакции, когда разговоры о каком-либо прогрессе, научном или общественном, велись в исключительно уничижительной форме. Во всем мире вновь расцветал фашизм, повсюду разгорались локальные конфликты как предвестники новых и страшнейших войн в истории человечества...

- И всё равно, через ошибки, горе, слезы и боль наши предки шли вперед... - Дрогнувшим голосом сказала Свея. - Тысячелетия тяжелейшего пути не сломили человека, который наконец понял, что он сам и его будущее только в его собственных руках. Когда не просто открыл, но осознал и принял основные законы развития природы и общества. Мне всегда казалось большой ошибкой, распространенной в древних книгах и фильмах, пытаться изобразить будущее, поместив в фантастический антураж фактически своих современников, со всеми их особенностями, достоинствами и недостатками. В ЭРМ общим местом была нелепая мысль, что «люди не меняются», что человечество

обречено веками и тысячелетиями бороться с одними и теми же неизлечимыми психологическими недугами, или как их ещё называли в религиозных книгах «грехами». Здесь имелись в виду злоба, жадность, корысть, зависть и многие другие проявления поврежденной психики, как выразились бы наши врачи. – Свея обняла сидевшую рядом Ору. – Но секрет их преодоления, был на самом деле прост, когда стало понятно, что все люди в целом — это единый живой организм, и воюя, «конкурируя» сам с собой, этот организм обречён. И эта война закончилась после преодоления стихийно сложившегося устройства общества, после планомерной организации жизни и экономики. Сотрудничество, а не конкуренция, отдавать, а не брать, делить, а не присваивать.

- И когда понял, что только в таком обществе наиболее ярко и полно проявляется человеческая любовь, к жизни, к людям, к себе самому. А сам человек становится достойным своей милой Земли и звёзд. - Тихо добавила Ора.

Глава 2. Земля и звёзды

Радостный солнечный свет легко пронизывал прозрачную зеленоватую воду у самого края рифов, освещая бесконечный причудливый лес кораллов всех форм, размеров и цветов радуги. Очень близко, едва не коснувшись руки хвостовым плавником, проплыл важный неповоротливый группер с целой свитой мелких рыб-прилипал и чистильщиков-губанов. Некоторые особенно назойливые чистильщики умудрялись на ходу заплывать в чуть приоткрытую пасть группера, который время от времени лениво и словно нехотя её закрывал, распугивая «гостей». У стены рифа копошились старательные рыбы-бабочки и амфипрiony, нахлынула и исчезла за выступом коралла стайка хромисов. Несколько рыб-попугаев, не обращая на проплывающего человека никакого внимания, сосредоточенно клевали коралл, похожий на древнюю полуразвалившуюся колонну. По мере погружения окружающий мир всё более темнел, теряя краски и становясь

призрачным, но Найя прекрасно знала, что в этой части Большого Барьерного рифа глубина не превышает шестидесяти метров и сумеречный свет не исчезает до самого дна.

Слабо светящийся циферблат часов напомнил о необходимости возвращения. Найя Матар внимательно оглядела плывущую рядом группу из семи совсем ещё юных покорителей глубин – учеников школы второго цикла – и не без сожаления подала сигнал общего сбора. Загубник не позволял широко улыбнуться, но девушка не смогла себя сдержать, глядя, как отважные пловцы жестами начали умолять её остаться ещё хотя бы на пять минут. Очередной перерыв в занятиях заканчивался, предстояло возвращение, и все знали, что это последнее погружение.

Восемьсот сорок первая школа второго цикла была расположена в одном из красивейших мест Северной Австралии, на территории когда-то бывшего здесь национального парка Дейнтри на полуострове Кейп-Йорк. После повышения уровня моря в Эру Общего Труда климат всей планеты сильно изменился. Почти исчезли жаркие австралийские пустыни, а на большей части материка теперь простирались тропические леса. Однако несмотря на земное великолепие природы, близость океана и Большого Барьерного рифа быстро сделали большинство учеников любителями морских путешествий и подводного плавания. Найя Матар, совсем ещё молодой сотрудник Института Метагалактики, в свой отпуск часто становилась наставником одной из групп, помогая учителям когда-то родной для себя школы.

Подарив ребятам столь чаемые пять минут, девушка с теплотой наблюдала за их перемещениями. Ещё раз взглянув на часы, она уловила краем глаза далеко внизу в сумеречной глубине движение нескольких стремительных едва заметных фигур. Слабая освещённость и нечеткие, прилизанные очертания не давали подробно рассмотреть новых океанских обитателей. Фигуры двигались не особенно быстро, однако уверенно плыли в их сторону, временами делая петли, словно отвлекаясь на красоту кораллов и мельтешащих рыбок. Сердце кольнуло едва уловимое чувство опасности. Быстро нажав на сигнальном браслете несколько кнопок, Найя вновь заставила спутников обернуться к ней и категорическими жестами дала приказ возвращаться. Темное пятно ожидавшего их катера четко виднелось на поверхности

метрах в пятидесяти от места погружения. Явное беспокойство наставницы передалось ученикам, и они на этот раз не стали спорить, двинувшись всей группой к катеру. Посмотрев вниз, девушка не увидела силуэты на прежнем месте, однако интуиция заставила её оглянуться и замереть. Темные фигуры стремительными торпедами неслись к ним с двух сторон под острым сходящимся углом, их оказалось четыре. Тигровые акулы. Едва заметные поперечные полосы на боках хищниц были уже отчетливо видны. Очевидно, это были ещё нестарые особи: полосы, подарившие им название, не успели окончательно исчезнуть. Найю буквально сковал даже не страх, а какое-то оцепенение. Совсем не верилось, что радостная красота кораллового рифа в одно мгновение обернулась смертельной опасностью. Задев локтем острый край коралла, девушка поранилась, не замечая маленького облачка крови возле себя. Однако неожиданная боль привела её в чувство.

Ученики были уже в двадцати метрах от катера и наконец тоже увидели опасность, начав заполошно грести. Но акулы мчались гораздо быстрее, и Найя поняла, что им не успеть. Захлестнувшее горькое отчаяние от осознания возможной гибели детей в доли секунды подсказало ей безумное, но верное решение.

С силой оттолкнувшись от стенки рифа, молодая наставница прыгнула вперед, неистово загребая руками и ногами. «Только бы дети плыли к катеру, только бы они не останавливались», - билась в сознании единственная мысль.

Акулы заметили девушку, внезапно возникшую прямо перед ними и угрожающе размахивающую руками. От неожиданности они сбились с курса и проскочили мимо, однако новая жертва уже привлекла их внимание. Больше всего хищниц приманивало почти незаметное облачко крови, которое они чувствовали с необыкновенной остротой. Найя выхватила из ножен на поясе короткий двадцатисантиметровый нож. Ближайшая акула была уже в нескольких метрах и Найя перестала махать руками, добившись главного. Страх незаметно исчез, осталось только прежде незнакомое чувство холодной жестокой ярости.

Дальнейшее произошло очень быстро. Буквально в метре от девушки акула слегка развернулась, раскрывая широкую щелевидную пасть. Найя чудом смогла увернуться от трехметрового тела, оказываясь вполоборота и вплотную с головой

чудовища, и с отчаянным усилием обеими руками вонзила нож по самую рукоять точно в голову акулы, чуть выше выпуклых глазок. Показалось, что даже сквози воду и бешеный стук сердца в ушах был слышен противный хруст пробиваемых хрящей. Акула дико забилась, словно попала в сеть, мощнейшим ударом хвоста отбрасывая девушку на несколько метров. Рукоять ножа вырвало из руки, и он так и остался торчать в голове твари. Почти потеряв сознание, Найя ударилась спиной о стену кораллов, чуть не выпустив загубник.

Одна из акул тут же отвлеклась на раненую, и они обе скрылись в мутном красноватом мареве. Оставшиеся две хищницы как в замедленной записи приближались к девушке, оставшейся безоружной.

«Значит, вот какой будет моя смерть». - Отстраненно и уже почти равнодушно подумала Найя.

Акулы оказались рядом, но атаковать так и не успели. Длинные струйки пузырьков молниеносно протянулись откуда-то сверху, и одна из акул словно споткнулась, начав медленно и беспорядочно валиться на глубину. Вторая была совсем близко и летела прямо на Найю. Когда её тупая белёсая морда была почти в сантиметрах от лица, сверху и справа мелькнула длинная узкая тень, вонзаясь акуле в бок позади жабр и буквально прищипив её к стене рифа.

Туманной пеленой взметнулся сероватый песок и видимость пропала. Найя только почувствовала, как чьи-то крепкие человеческие руки сильно и настойчиво подхватили её, увлекая к поверхности.

Прогулочный катер оказался совсем неподалёку. Её спаситель - незнакомый темнокожий юноша - плыл рядом. Он бережно помог Найе подняться на катер, откуда уже протягивались руки смертельно встревоженных механика и рулевого. Лежа на палубе на мягком матрасе, Найя со смешанными чувствами глубокого недовольствия и благодарности узнала, что ни один из учеников не бросил свою наставницу и не поднялся на катер. Увидев её наедине с акулами и позвав на помощь взрослых, они снова попытались погрузиться. Механик и рулевой прыгнули в воду и были вынуждены почти силой загонять юных пловцов на палубу.

- Мои глупыши маленькие, - говорила Найя, даже не вытирая

набегавшие слёзы и ласково глядя склоненные к ней взлохмаченные головки, - вы бы погибли совершенно напрасно!

На катер залез и незнакомый юноша в тёмном плавательном костюме. Только здесь девушка увидела на его одежде, облежавшей стройную сильную фигуру, эмблему руководителя одного из истребительных отрядов. По счастью, их группа оказалась совсем рядом, а сам руководитель, примчавшийся чуть раньше предупредить об опасности, успел в последний момент. На широком поясе юноши висел тяжелый подводный автоматический пистолет, стрелявший пулями с помощью сжатого воздуха. Теперь стало ясно, откуда взялись те стремительные струйки пузырьков, остановившие одну из акул. Отряхивая одной рукой свои влажные волосы, другой он держал длинный гарпун, который неведомо как и когда успел выдернуть из последней акулы.

Не находя слов, Найя протянула обе руки к нему. Юный руководитель истребительного отряда понял её состояние. Пристроив гарпун за спиной на специальных ремнях, он сжал ладони девушки в своих крепких худых руках и негромко проговорил с застенчивой улыбкой:

- Простите за эти ужасные минуты! Я очень боялся задеть вас и не мог начать стрелять раньше. Мы узнали, что ваша группа уже ушла на погружение, поэтому вовремя не смогли предупредить о новой опасности на рифе. Вам не успели прислать ультразвуковые отпугиватели. Мы все очень виноваты – привыкли за последние спокойные годы, что опасных для человека акул в этих местах давно не видели. Теперь будем наводить порядок. Не переживайте, всё обязательно будет хорошо!

Улыбаясь, юноша обнял за плечи двух стоящих рядом с ним десятилетних мальчиков из её группы, которые восхищенно смотрели на него.

- Вы и ваши дети настоящие герои! Ваш удар ножом был ничуть не хуже удара меча из старых сказок про драконов! Оставался шанс только на единственный удар, но провели вы его безупречно. Акула явно пошла на дно, а нож так и остался в ней. Возьмите на память мой, пожалуйста.

Юноша протянул длинный тропический нож в черном пластмассовом чехле, с которым ходили участники истребительных отрядов.

- Спасибо, дорогой. - Наконец произнесла Найя.

Она ничего больше не успела добавить. Юный руководитель истребительного отряда нагнулся и только сейчас девушка увидела, что на палубе возле борта катера лежит небольшой лат⁵. Юноша потрепал по голове одного из мальчишек, приветливо кивнул Найе, махнув рукой на прощание, и вместе со своим плавсредством шагнул в море.

«Я даже не спросила, как его зовут». – С запоздалым раскаянием Найя встала и подошла к борту. Юноша был уже далеко от катера. Привстав на одно колено, он что-то делал на палубе лата. Внезапно над ним поднялась длинная складная мачта, развернулся широкий треугольный парус. Найя замерла от восхищения, такого ей ещё не приходилось видеть. Лат бодро полетел под свежим ветром в сторону открытого океана, подпрыгивая на гребнях волн. Вскоре лишь маленькая темная фигурка под белоснежным парусом в окружении брызг пены была видна в ярко-голубой океанской дали.

- Не тревожьтесь, - поняв мысли девушки сказал подошедший рулевой, - сюда идёт катер дозорной службы с истребительным отрядом, наш новый друг отправился к нему. Пора и нам возвращаться!

... Найя Матар подняла чуть отяжелевшую голову, отрывая взгляд от навигационной панели и посмотрев на часы. Пять часов сорок минут утра по времени «Альграба» - скоро должна прийти Свея Люми, которая сменит астронома на дежурстве в посту управления.

Яркое воспоминание о давней истории у берегов Австралии, несмотря на пережитое потрясение, отозвалось в сердце приятным теплом и заставило улыбнуться. После того случая Найя снова вернулась в свой институт и надолго сменила океанские глубины на погружение в далекий космос. Две великие стихии всегда представлялись ей очень похожими. Но когда, казалось, должно было наступить полное слияние с ними, космос и океан словно ставили человека на место. В морских глубинах это сделали акулы, на расстоянии полутора парсеков от Земли – другого рода хищник - равнодушный кусок льда, лишь чудом не лишивший жизни немедленно, но искалечивший корабль. Мудрая Ора Гарм и всегда

⁵ Лат – узкая вытянутая доска с электромотором для плавания в прибрежных водах, управляемая ногами.

логичный Соль Арк, наверное, объяснили бы ей, что реальная жизнь природы далека от привычных представлений о красоте. Даже несмотря на тысячелетия близости к океану, водная среда остается бесконечно чужой для человека без аквалангов, глубоководных аппаратов, а порой и оружия. Что же говорить о космосе, где сделаны лишь первые робкие шаги - астроном понимала это намного глубже многих.

Найя вдруг поняла, что в её воспоминании осталось нечто, ставшее очень важным для неё именно теперь и что она пока никак не может осознать. Девушка поднялась со своего кресла и сделала несколько шагов. В боковом экране, значительно усиленное и очищенное от искажений специальными фильтрами, поблескивало бледным вытянутым облаком изображение рукава Млечного Пути. Найя улыбнулась, понимая, что слабо мерцающая звёздная река, и в Эру Великого Кольца называемая земными астрономами рукавом Ориона, в реальности представляет собой лишь видимую обычным глазом малую часть исполинской Галактики из четырехсот миллиардов звёзд. Если смотреть сверху, где-то на самом краю рукава затерялась маленькая желтая звезда – Солнце.

Древние арабы называли Млечный путь «солнечной ступенью», древние японцы – «серебряной рекой», но молодой девушке-астроному всегда больше нравилась ставшая общеизвестной версия, пришедшая из прекрасных мифов древней Эллады. Одна из легенд была о пролитом молоке богини Геры, когда ревнивая жена громовержца Зевса узнала, что кормит сына земной женщины. Более древний миф упоминал титана Кроноса, из опасений за свою власть пожиравшего собственных детей. Титанида Рея, супруга жестокого Кроноса, спрятала последнего ребенка, Зевса, вместо него отдав мужу завернутый в пелёнки камень. Кронос, взяв «младенца», заметил, что ребенок очень худой и твердый, и велел его накормить. Брызги молока титаниды, отразившись от холодного камня в небо, и стали полосой Млечного Пути. Спасённый Зевс позже сверг тирана-отца, так и оставшегося в памяти человечества образом беспощадного времени, неумолимо уничтожавшего всё им порожденное.

Глядя на экран, рядом с блистающей полосой Млечного Пути, Найя без труда, как старого знакомого, нашла Сириус - ярчайшую звезду ночного неба, часть системы Альфа Большого Пса. Значительно правее выделялся Антарес - красный

сверхгигант, самая яркая звезда в созвездии Скорпиона. Казалось, его немигающий рубиновый глаз с вызовом ответил на взгляд человека. На другом экране гордо блестел Альтаир или Альфа Орла, украшение этого созвездия и всего ночного неба. Ну и конечно великолепная Альфа Лиры – далекая и загадочная Вега.

*Нас ночь тревожит снами,
Волшебными почти.
Мы катимся на санках
По Млечному пути.*

*И боязно немного,
И ветер хлещет в грудь.
Зовет, зовет в дорогу
Далекий Млечный путь...*

Она сама не заметила, как пропела эти строки древней, но прошедшей через тысячелетия песни. И снова смутное ощущение чего-то очень важного заставило её всматриваться в экран. В памяти вновь появился далекий образ юноши в голубой океанской дали, под парусом, залитым радостным солнечным светом. Он и здесь словно приглашал пронестись под тугим белым полотном по сверкающей звездной реке.

Позади раздался негромкий вздох. Чуть раньше пришедшая Свея Люми приблизилась, обнимая подругу.

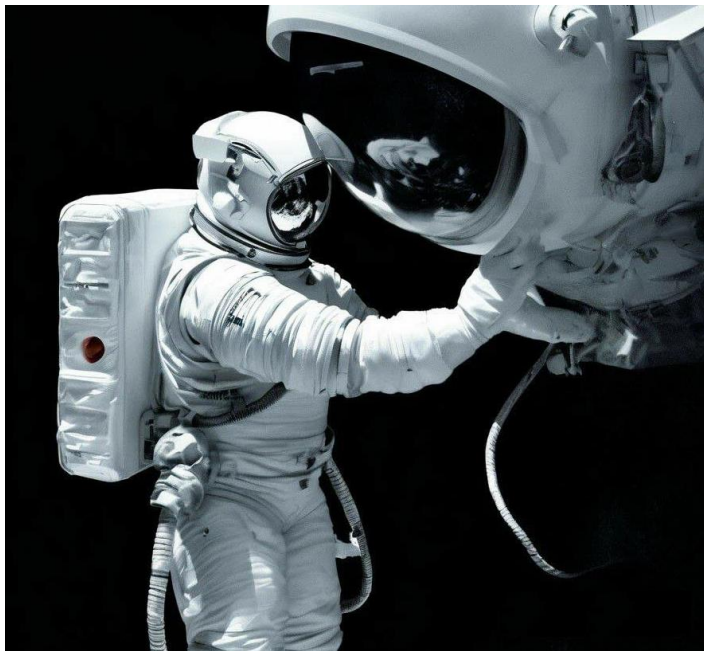
- Как давно я не слышала твоих песен, дорогая! И сколько дней мы вместе не танцевали! – Голос Свеи едва заметно дрогнул.

Найя чуть отстранилась, посмотрев ей в глаза, но Свея поспешно опустила ресницы. Ни о чём не спрашивая, Найя крепко взяла астронавигатора за руки и начала медленный лёгкий танец. Постепенно наращивая темп, девушки вихрем закружились по посту управления. Страсть танца быстро захватила обеих. Наконец, бледные щёки Свеи Люми покраснелись, а грустные серо-голубые глаза приобрели свой обычный блеск. Резко остановившись, она снова обняла Найю и прижалась ней щекой.

- Бас Гор и Соль Арк? – Тихо спросила Найя, догадываясь обо всём.

- Тебе пора отдыхать, звёздочка, потом поговорим. - Свея тряхнула короткими светлыми волосами, не то соглашаясь, не то

пытаясь возразить. Ласково подтолкнув астронома к выходу, она с видом величайшей деловитости села в кресло дежурного навигатора. – Любовь человеческая подождёт, а звёзды не будут ждать!

Глава 3. Любовь человеческая

Наконец, общий план работ был составлен. Разобрав несколько внутренних переборок, звездолетчики огородили разрушенный технологический отсек временным защитным каркасом. Здесь, в отдалении от любых звездных систем, ионизирующее излучение было на несколько порядков сильнее, чем в Солнечной системе, хотя и не оказывало никакого воздействия внутри надежно защищенного корабля. Однако за пределами брони звездолёта и в полуразрушенном технологическом отсеке опасность высокоскоростных заряженных частиц была слишком велика, чтобы ей пренебрегать. Не меньшую угрозу представляли остатки уничтоженных анамезонных двигателей, вскрытие которых ранее осуществлялось лишь на специализированных заводах при утилизации отслужившего свой срок корабля. Для уменьшения уровня радиации было решено пожертвовать частью запасов воздуха, и отсек был заполнен воздушной смесью карбида бора. После продувки сжатым воздухом с внутренней стороны каркас обшили толстым слоем

композитной изоляции. Тем не менее, пришлось ограничить количество непосредственных выходов звездолетчиков, решив ограничиться специально сконструированными телеуправляемыми манипуляторами. Исследование незнакомых звездных систем не входило в перечень задач звездолетов второго класса, к которым относился «Альграб», и это сильно осложняло работу путешественников, которые были лишены возможности использовать при ремонте высокоорганизованные автоматы для исследования планет с агрессивной средой. К счастью, по мудрой предосторожности Совета Звездоплавания, звездолет был снабжен скафандрами высшей защиты. Одев их, Рами Ант и Соль Арк совершили несколько выходов в технологический отсек, куда с огромным трудом смогли перенести, подключить и приспособить для несвойственной им работы грузовые манипуляторы, ранее использовавшиеся только для погрузки контейнеров с анамезоном.

После настройки телеуправления, защитный каркас был снова свернут, и звездолетчики приступили к сложной работе по непосредственной очистке корабля от безнадежно испорченного оборудования и искорверканных элементов конструкций. Приступив к реализации составленного плана, они только сейчас поняли по-настоящему, насколько сложной оказалась поставленная задача. Предварительные расчеты и близко не могли учесть всех возникающих практических трудностей, тем более что многое из намеченного вообще никогда никем не выполнялось подобным образом в имеющихся условиях. Бледный от напряжения Рами Ант, прежде чем приступить к непосредственной уборке завалов, сначала долго и осторожно осваивался с управлением манипуляторами. Работа требовала полного сосредоточения и почти хирургической точности, поэтому люди не спешили, как не хотелось им поскорее закончить с этим. Выяснилось, что управление манипуляторами чуть лучше дается Бас Гору, который в итоге заменил инженера двигательных систем за панелью управления.

С помощью закрепленного на манипуляторе электрогидравлического резака немного освоившийся Бас Гор под руководством Рами Анта начал осторожно вырезать остатки двигательной системы. Прочнейший сплав поддавался с трудом и приходилось часто делать перерывы для предотвращения перегрева оборудования. Не менее эти перерывы нужны были и самому Басу,

который для достижения максимальной точности порой был вынужден, задерживая дыхание, едва заметно двигать управляющие рычажки, ловя паузу в ударах сердца.

Все предыдущие месяцы с момента аварии Рами Ант пытался, начиная от самого простого к сложному, объяснить своим товарищам устройство анамезонного мотора. Разработанный при наблюдении больших звезд Галактики через Великое Кольцо, двигатель представлял собой подлинное чудо научной и инженерной мысли, хотя в основе своей являлся дальнейшим развитием газофазного ядерного ракетного двигателя, первые несовершенные проекты которого появились ещё в ЭРМ. Однако последовавшие затем убийственные мировые войны надолго отбросили развитие человечества назад и многие действительно важные начинания были благополучно забыты.

Рами оказался весьма неплохим и терпеливым лектором. Прошло не так много времени, но общие принципы работы, представление о конструкции двигателя были усвоены всеми участниками экспедиции. Не возражали даже врач и астроном, ранее максимально далекие от этой темы. Всем было очевидно, что сложнейшая задача ремонта и спасения могла быть решена только общими усилиями.

Однако, несмотря на все меры предосторожности, слабым звеном в работе оказались не люди, а техника. При удалении разрушенных отражателей ядра реактора третьего анамезонного двигателя электрогидравлический резак намертво застрял. Все предпринимаемые усилия не позволяли освободить заглохший прибор, а тянуть с помощью второго манипулятора, рискуя сломать резак, было очень опасно. После недолгого совещания стало очевидно, что без выхода одного из звездолетчиков в технологический отсек обойтись не получится.

Инженер двигательных систем немедленно начал готовиться к выходу, однако был остановлен начальником.

- Рами, - сказал Соль Арк, придерживая товарища за руку, - вы единственный из всех нас специалист по двигателям. Полученные нами знания важны и необходимы, но по-настоящему в устройстве анамезонных моторов, и тем более будущем ремонте, без вас никто не разберется. Защитный каркас отсека сейчас убран. Вы лучше меня знаете, что ионизация при открытом разборе двигателя слишком велика, что не критично на заводе, но

непозволительно опасно здесь. Нравится вам это, или нет, но вам придётся остаться. Будете руководить процессом по телевизионной связи, а освободить резак лучше пусть попробует кто-то другой. И я считаю, что сам вполне в состоянии справиться с этим.

В условиях невозможности получения какой-бы то ни было помощи со стороны ответственность была слишком велика, поэтому полномочия начальника экспедиции как руководителя коллектива в космосе были значительно выше обычных правил, давно устоявшихся на Земле. Высокие знания и профессионализм членов экспедиции в обычных условиях полёта не требовали от начальника прибегать к мерам принуждения. Приоритет оставался за более компетентным в том или ином вопросе специалистом. На «Альграбе» давно сложившиеся братские отношения между людьми и общее желание помочь другому порой скорее вынуждали осознанно придерживать инициативу членов экипажа. В этом случае Соль Арк решил воспользоваться своим правом начальника экспедиции.

- Почему вы, Соль? - Выступила вперёд Свея Люми, на секунду опередив Тео и Рами. - Я вполне готова и в состоянии справиться. Больше того, я просто меньше вас и мне будет легче пройти и сориентироваться в разрушенном отсеке! Рами будет меня направлять, и я не вижу здесь никаких проблем.

Мужчины дружно улыбнулись, сдерживая весёлые искорки в глазах, несмотря на всю напряженность момента, и это почти рассердило астронавигатора.

- Давно уже прошли времена, когда женщина считалась слабым полом! - Сказала Свея, сверля начальника глазами, на самом дне которых было заметно беспокойство. - Я согласна, что мы, женщины, прекрасный пол, но мы не глупее и не слабее мужчин, а знаний в предмете у нас сейчас поровну! Вы нужны нам не меньше Рами!

Соль Арк интуитивно понял, что главным в возражениях было именно последнее — переживания женщины за него. Поэтому он ответил, насколько мог мягко, глядя на Свею, но обращаясь сразу ко всем:

- Дорогие, я ценю ваше беспокойство обо мне и знаю, что каждый из нас вполне способен справиться с задачей. Вопрос вовсе не во взаимоотношениях полов, человечество давно переросло времена болезненного неравноправия в какую-либо сторону. Во-

первых, я там неоднократно был и просто лучше других ориентируюсь на месте, быстрее смогу сделать нужную работу. Вторых, скорее всего придется действовать громоздким неповоротливым инструментом, чтобы освободить застрявший резак. В-третьих, я просто имею больше опыта работы в скафандре высшей защиты. Наконец, для этого всего может пригодиться грубая физическая сила. И потом, я же должен иногда покомандовать вами? - Добавил начальник, вызвав общий смех и ободряюще улыбнувшись Свее Люми.

В свете прожектора белый корпус «Альграба» на фоне чёрной пустоты космоса казался вырезанным из бумаги. Яркий конус желтого света перебивал огоньки далёких звёзд, и казалось, что звездолет закутан в глухое черное полотно. Придерживаясь за поручни, Соль Арк выплыл из проема люка переходной камеры, неуклюжий в своём громоздком скафандре. Включив маленький индивидуальный двигатель на самую малую мощность, командир не спеша поплыл вдоль корпуса к кормовой части, придерживаясь рукой в перчатке за гладкую броню корабля. Страховочный фал медленно разматывался, прикрепленный к лебедке, которая в любой момент была готова втянуть звездолетчика назад в привычный земной мирок. Непроницаемый космический мрак без верха, низа и дна ощутимо давил на сознание, и это чувство поднимало со дна души, из самых глубин генной памяти страх навсегда остаться в этой черноте и пустоте, ощущение ни с чем не сравнимого одиночества. Соль Арк, стараясь не думать о раскинувшейся вокруг бездне, добрался до кормовой части, открыл люк технологического отсека и протиснулся внутрь. Уже достаточно свободно ориентируясь в хаосе конструкций, он краем сознания с удовлетворением отметил, что сделано уже немало и работа движется очень успешно.

- Соль, - прорезался в наушниках голос Рами Анта, - если поймёте, что резак сломан, не тратьте время и не в коем случае не пытайтесь устранить всё на месте самостоятельно. Отсоедините его от манипулятора и приволоките в переходную камеру. Мы его дезактивируем и наладим в условиях корабля. Потом найдем способ водворить на место.

Голос инженера перебивало назойливое потрескивание счетчика излучений, которое внутри отсека перешло в непрерывную трель. В глазах начали мелькать огоньки, похожие на

снежинки в свете фонаря, и Соль Арк понял, что может не успеть. Быстро найдя длинный манипулятор, чем-то неприятно напоминавший торчащую из стены лапу исполинского жука, он проплыл к застрявшему в стенке отражателя электрогидравлическому резаку, на ходу доставая портативный домкрат. Резак вместе с краем манипулятора оказался прижат массивной кромкой стенки крышки реактора, которая, выгнувшись, сжала прибор как в клещах. Не обращая внимание на мельтешение в глазах, он быстро втиснул под кромку край инструмента и повернул нужный рычаг. Как показалось, со стоном, но на самом деле беззвучно в отсутствие воздуха, крышка приподнялась, и манипулятор медленно выполз из открывшегося проема.

- Командир, назад, немедленно! - С нарастающей тревогой говорил в микрофон Рами. - Резак откликается и исправен, возвращайся!

В посту управления «Альграба» люди видели на экране фигуру начальника, который закончив работу, поплыл в сторону выхода, натываясь на стены и балки, шаря по ним руками. Все не сразу поняли, что речь идет о жизни и смерти Соль Арка, и первой сориентировалась Ора.

- Зрение! - Крикнула врач, сжимая руку стоящей рядом Свеи Люми и не замечая этого. - Излучение в первую очередь могло повлиять на зрительный нерв, он не видит!

После секундного замешательства Бас Гор прыгнул к пульту, хватаясь за рычажки манипуляторов. С невыносимой медлительностью второй манипулятор задвигался, нашел фигуру командира и, прихватив его практически за шиворот, понес его к выходу, насколько хватало длины телескопической конструкции. Когда Соль Арк был возле люка, Рами включил лебедку, которая буквально выдернула уже потерявшего сознание начальника из отсека.

Все, кроме дежурного, кинулись к переходной камере...

Когда начальника экспедиции, немедленно проведя полную дезактивацию, с величайшей предосторожностью извлекли из скафандра и доставили в медицинский блок, врач категорическим приказом выгнала всех, немного успокоив, что Соль Арк жив и пока не умирает. Наконец, спустя несколько часов, уставшая Ора вошла в пост управления, где её сразу обступили все, кроме дежурившей у приборов Найи Матар. Только сейчас Бас Гор

увидел в стоящие в глазах Свеи слёзы и с удивлением поймал себя на мысли, что не испытывает ничего похожего на ревность. Подспудное ощущение, что давняя подруга стала в последнее время внимательнее обычного относиться к начальнику, давно не оставляло его. Но пытаться в таких случаях влиять на чувства близких было чуждым для людей Эры Кольца, тем более что Соль Арк был общим другом всего экипажа. Поэтому Бас Гор осознанно отдалился, оставив Свее возможность самой разобраться в своих чувствах.

- Он жив и пока ещё будет спать. - Ответила Ора на немой вопрос окружающих. - Скафандр защитил, отразив большую часть излучения, поэтому организм в целом не сильно пострадал. Спинной мозг, клетки выделительной системы, которые обычно повреждаются самыми первыми, в хорошем состоянии, я боялась много худшего. Но пострадали клетки головного мозга, особенно доли, отвечающие за органы чувств. В ближайшее время он, скорее всего, ничего не будет видеть и слышать, но функции имеют шанс постепенно восстановиться, когда нейроны сформируют новые связи. Когда Соль полностью придёт в себя, мы должны помочь ему освоиться в новых условиях, он должен работать и жить максимально активной жизнью, тогда восстановление пройдёт быстрее.

Услышанное очень встревожило и обрадовало всех. Мужчины хлопнули друг друга по рукам, а Свея Люми крепко обняла врача. Ора почувствовала, что та вся дрожит, и прижала подругу к себе, попросив зайти через некоторое время. Рами Ант и Бас Гор вернулись к работе, решив немедленно продолжить расчистку технологического отсека, вскоре к ним присоединился Тео. После пережитого волнения дело шло особенно быстро и через несколько дней Рами, ставший на время восстановления командира старшим, объявил, что вскоре можно будет заняться непосредственно двигателем номер четыре.

Несколько часов спустя Свея пришла в медицинский блок, где её уже ждала Ора, неотрывно дежурившая возле командира. Две женщины, совершенно непохожие друг над друга, но с одинаковой нежностью на лицах, склонились над приемником анализатора, в случае необходимости также выполнявшего функции реанимационной палаты. Сейчас он ещё более походил на древний хрустальный гроб, только вместо сказочной красавицы

под прозрачным стеклом лежал мужчина.

Свея осторожно погладила прохладную прозрачную поверхность, отметив про себя, что пальцы совсем не дрожат. Увидев лежащего начальника, она неожиданно успокоилась и поняла, что останется рядом с ним, сколько бы времени не потребовалось. Ей не так часто раньше доводилось просто рассматривать его лицо. Только теперь она отметила, что оно было удивительно красивым. Обычно веселое, грустное, сосредоточенное, с доброй улыбкой или нахмуренными от напряжения бровями, сейчас оно было спокойным и чуть усталым. Седые волосы казались отлитыми из серебра, а живые теплые глаза на этот раз были закрыты. Откроются ли они снова, увидит ли Свея в них привычный свет? Увидят ли они её любовь, которую не могли и не успели разглядеть, пока смотрели?

- Он не знает? - Тихо провела по её руке Ора, кивнув на начальника.

- Нет, мы с ним никогда не говорили на эту тему. Бас Гор... - Свея Люми помолчала и продолжила, слегка покраснев. - Любит меня, но наши дороги стали расходиться уже давно. Когда произошла авария, я поняла, что не смогу быть рядом с ним все годы, сколько бы их не осталось нам впереди. И даже дни и часы, если бы речь шла о них. Я знаю, можно сохранять физическую близость, даже утратив чувства, так живут многие, особенно в дальних экспедициях. Но я не могу так, я становлюсь холодной и безразличной, и этим холодом не могу опалить Баса, который совсем его не заслужил. А он очень мудр и всё понимает... В отличие от этого взрослого седого мальчишки! - Свея снова склонилась над прозрачным приемником.

- Вы правы и неправы одновременно. - Ора покачала головой, взяв Свею за руку и отводя в сторону. - Начну со второй части. Неправы, упрекая себя в холодности и отказе от близости с мужчиной, которого разлюбили. Давно прошли времена, когда половая любовь сама по себе в отрыве от чувств считалась чем-то «порочным», как говорили в старину. Сейчас даже слова такого нет, и вы меня не понимаете. Порочность — это неправильность с оттенком грязи, и такое понятие могло прийти только в голову человеку, ненавидящему человеческие чувства и не стремящегося их понять. Мы уже давно выяснили, что всё то, что делает хорошо осознающего свои поступки человека лучше и возвышает его, -

правильно. Какой бы не была ваша близость, но она есть явное или неосознанное стремление к красоте, которое сидит в каждом из нас. Здесь очень четкий водораздел, который сразу характеризует человека и его чувства: либо вверх — к красоте и радости встречи, либо вниз к грубому чувству собственника, более всего боящегося утратить свою игрушку. Ваша холодность — это не холод к Басу Гору как таковому, не небрежение его чувствами и любовью, а ожидание новой близости и нового подъема, который снова вас зажжет, уже зажег самим ожиданием себя. Здесь правильно быть искренним от начала и до конца, и в первую очередь, искренней перед собой. Поблагодарите человека, который был рядом с вами, и не оскорбляйте его видимостью служения погасшему огню. В этом больше чести и уважения, чем в попытке сохранения чувств ради самого факта сохранения, которое иногда ещё называли «преданностью» и «уважением». Сейчас же, - добавила Ора после недолгого молчания, явно делая над собой большое усилие, - Соль Арку особенно понадобятся ваши любовь и внимание.

- Договаривайте прямо и спокойно, - ответила Свея, глядя врачу в глаза. - Он навсегда останется беспомощным?

- Гарантировать обратное я не могу. - Призналась Ора, чувствуя, как у неё самой холодом обожгло сердце от этих просто и чётко сказанных слов. - Однако, пока не слишком ясна степень поражения мозга, для этого он должен прийти в себя. Самое главное, чтобы Соль сохранился как личность, тогда ничего не будет потеряно. Его могучий ум и жизнелюбие, я уверена, преодолеют любое физическое ограничение, а коммуникацию мы обязательно наладим. Хотя, в этом есть и своя проблема... - Врач снова запнулась, подбирая слова. - Соль всегда очень много времени уделял поддержке и помощи окружающим, но у него самого после аварии стало проявляться подспудное, неявное ощущение вины за случившееся, хотя никакой вины человека здесь в принципе не может быть. Главное, постараться смягчить неизбежное потрясение, когда обычно деятельный и активный человек поймёт свою беспомощность и начнёт себя же в ней обвинять.

Опасения Оры были гораздо глубже и сильнее, в чем она дала себе отчет, оставшись одна. Более всего следовало опасаться полной беспомощности, потери не только зрения и слуха, но и способности двигаться, разговаривать, принимать пищу, что, по её

убеждению, было гораздо хуже смерти. Проблема инвалидности, врожденной или приобретенной по самым разнообразным причинам, была практически устранена ещё в ЭОТ - Эру Общего Труда. Сначала достижения микроэлектроники позволили помочь ранее практически безнадежным больным справиться с сенсорными нарушениями, слепотой и глухотой, в том числе врожденными. Использование экзоскелетов, и так пугавшее доселе многих в ЭРМ «чипирование», поставленные на службу обществу, решили проблемы и ранее беспомощных больных с поражениями опорно-двигательного аппарата. Проводимая параллельно огромная работа по очищению наследственности также давала свои плоды и количество врожденных патологий уменьшилось на порядок. Оставались случаи инвалидности вследствие травм и иных трагических случайностей, но и они были подвластны земной медицине. Но здесь, в условиях звездолёта, вдали от мощных врачебных институтов какое-то исчерпывающее лечение было абсолютно исключено. С помощью Свеи и Тео врач немедленно начала собирать ранее ненужные сведения о способах обеспечения жизни и коммуникации для слепоглухих людей, продумать и организовать постепенную реабилитацию начальника экспедиции. После долгих споров решили всё же не погружать Соль Арк в долгий гипнотический сон, ограничившись несколькими днями для небольшого восстановления и подготовки.

Несмотря на всю проведенную подготовку, пробуждение начальника стало большим испытанием для всего экипажа. Обычно плавный выход из гипнотического сна получился очень резким: Соль Арк судорожно взмахнул руками как потерявший равновесие человек, однако предусмотрительно закрепленные привязи ограничили движение. Свея и Ора почти одновременно, нежно, но крепко взяли его ладони в свои, пытаясь успокоить командира нежными поглаживаниями. Соль Арк мучительно замычал, вздрагивая всем телом и дергая головой, широко раскрыв невидящие глаза.

- Милый, ты с нами, ты жив! - Воскликнула Свея Люми, не выдержав и крепко обняв голову командира, коснувшись его лба губами.

Соль Арк замер, очевидно, делая огромное усилие и прислушиваясь к себе. По знаку Оры Тео постепенно ослабил привязи, и начальник провел вокруг себя руками, поднёс их к

голове. Постепенно успокоившись, он снова прилег, больше не издавая не звука. Свея оглянулась на Ору, которая, хмурясь, рассматривала показания приборов, словно видела их впервые.

- В целом, самые худшие предположения не подтвердились, успокоила она снова собравшийся в медицинском блоке экипаж. Зрение и слух действительно пострадали и вероятнее всего, полностью утрачены. Состояние первичной моторной коры, гетеромодальных ассоциативных зон, лобных долей удовлетворительное. Командиру будет трудно, но его разум должен сохраниться, а это для него и для нас сейчас самое главное.

...Бархатистая чернота космоса вокруг полностью и бесследно растворила в себе свет звёзд, свет прожектора, белый стройный корпус «Альграба», белое нагое тело любимой, до которой оставались какие-то крохи расстояния. Мыслей не было, остался только образ всепроникающей черноты вокруг, без верха, низа, глубины и ощущения времени. Не было и самого сознания, хотя что-то назойливое упорно стучалось извне, не давая покориться этой черноте. Откуда-то из неведомых глубин памяти, вместе с первобытным ужасом тьмы и непонятым, навязчивым желанием слиться с этой тьмой навсегда, пробивался какой-то странный, невидимый, неосязаемый луч, как зов бесконечно далёкого голоса. На миг снова промелькнула ослепительно белая стройная фигура женщины и медленно растворилась, исчезая. Он попытался её удержать, но никак не удавалось дотянуться, словно рукам что-то мешало. Понимание, что у него есть руки, заставило мучительно напрячься и наконец попытаться осознать себя. Появилось ощущение своей отдельности от пространства вокруг.

«Спокойно, - мысль наконец обрела осознанную форму, - что происходит, кто я и где?»

Пришло ощущение прикосновения, хотя тьма вокруг была совершенно бездонной, при этом, удивительным образом потеряв ощущение чёрного цвета. Просто явственное ничто в отсутствие вообще каких бы то ни было цветов. Прикосновение повторилось, и пришло осознание, что его нежно, но уверенно держат за руку, вода по ладони чем-то твёрдым. Он выдернул руку неведомо откуда, отталкиваясь и пытаясь что-то сказать, но не слыша собственного голоса. Прикосновение к ладони вскоре пришло снова, в нем почувствовалась какая-то закономерность, словно некто рисовал узоры, упорно, раз за разом их повторяя. Вдруг во

мгле проявилось грустное детское лицо, воспоминание теплой детской ладони в руке, щеки ребёнка, прижавшейся к его щеке. Где-то внутри глухо и болезненно стукнуло сердце, и он скачком понял, что на ладони рисуют буквы, повторяя в сотый раз лишь одно слово: «Соль».

Соль Арк стиснул неведомую руку и попытался вновь что-то сказать, но ничего не услышал. Неведомые руки твердо, но нежно охватили голову, он почувствовал чьи-то тёплые пальцы на своих губах, как призыв к молчанию.

«Ты жив. «Альграб». Порядок. - начертили неведомые руки, делая паузы между словами. - Глаза. Слух. Пока нет».

Соль Арк осознал себя начальником экспедиции и успокоился, вспомнив наконец всё. Благодарно сжав неизвестную руку, он ощупал место вокруг и понял, что лежит на упругом реанимационном ложе. Медленно поднял руки к голове, с внутренним содроганием ожидая почувствовать на месте глаз зияющие раны, но ощутил лишь прикосновение подрагивающих пальцев к знакомой голове. Ресницы, полуоткрытые веки и ни единого движения, ни единого проблеска света. Темнота, тишина, и ничто.

- Как «Альграб»? Манипулятор работает? - Спросил Соль Арк в пустоту, не слыша собственного голоса и начав шарить вокруг в поисках доброй дружеской руки и боясь, что его не слышат.

«Всё хорошо, работает. - Тут же пришёл ответ. - Скоро всё закончим». И, отвечая на не заданный вопрос, неизвестный продолжил: «Тебя слышно хорошо, мы выправим тебе зрение и слух».

Соль Арк почувствовал огромное облегчение, несмотря на весь драматизм собственного положения. Неизвестный человек обнял его голову, прижимая к себе, и командир звездолёта безошибочно узнал Свею, почувствовал едва ощутимое прикосновение её губ к своим.

«Теперь ты от меня никуда не убежишь», - прошептали её руки...

Глава 4. Никуда не убежишь

Глубокая ночная тишина внезапно стала ощутимой, похожей на плотное тёплое одеяло, закутавшее Ору с головы до пят. Показалось, что она тонет в огромном мере непроницаемого черного песка, мириадами крупинок застилающего глаза, нос, уши. Хотелось закричать, но дыхания не хватало, только песок ещё больше забивал пересохшее горло. Далекий кружок неба над головой быстро меркнул, руки и ноги становились неподъёмно тяжелыми, словно скованными тяжеловесными цепями. Когда ужас погружения в черное море песка стал нестерпимым, Ора Гарм проснулась и открыла глаза, часто дыша и успокаивая заполошно бьющееся сердце, прогоняя наваждение.

Привычный интерьер каюты, выполненный в уютных светлорыжевато-коричневых тонах натурального дерева, был подёрнут лёгким полумраком. Давно выработанное ощущение времени подсказало, что по корабельным часам ещё стоит глубокая ночь. Врач мельком

бросила взгляд на слабо светившийся спокойным зеленоватым светом экранчик часов, который подтвердил, что она который день подряд проснулась в три с небольшим часа утра. С неудовольствием и беспокойством Ора подумала, что кошмары повторяются с пугающей регулярностью, сколько она не объясняла себе природу их возникновения. Ей вспомнился старый рассказ из истории психиатрии о древнем полудиком племени, чудом сохранившемся почти в первозданном состоянии до времен поздней ЭРМ на одном из удалённых тихоокеанских архипелагов. Бедные и слабозаселенные островки были малоинтересны белым колонизаторам и коммивояжерам, но со временем очень заинтересовали учёных-антропологов, наконец добравшихся и туда. Интересной особенностью стало открытие крайне низкого уровня психических заболеваний у жителей островков. Вскоре выяснилось, что в племени была любопытная традиция: с самого раннего возраста детей приучали запоминать свои сны и после пробуждения рассказывать их родителям. Те, в свою очередь, подробно объясняли малышам увиденное. И так день за днём, год за годом. Помимо неизбежных для того времени и уровня развития рассуждений взрослых о влиянии злых духов и разнообразных чар, подобные объяснения содержали важное рациональное зерно: выявление закономерностей в увиденном, способность анализировать и управлять сновидениями и ещё шире – природой возникновения мыслей и эмоций. Позднее врачи подтвердили, что гигантский пласт бессознательного в человеческой психике, содержащий наследие миллионов лет эволюционного пути развития, способен частично поддаваться в своих проявлениях правильно тренированному сознанию. Именно такую тренировку с самых ранних лет жизни, неосознанно, проводило тихоокеанское племя. Более высоким уровнем контроля сознательной и подсознательной областей психики отличались представители некоторых древних индийских религиозных школ, правда, в целях борьбы с собственным «Я» человека и преодоления привязанностей. Конечно, дело было не только и не столько в снах: свою важнейшую лепту в здоровье островитян вносил благоприятный климат архипелага, достаточное количество пищи, которую поставлял щедрый океан, размеренная и упорядоченная жизнь в условиях каждодневного и напряженного физического труда.

Уже в ЭМВ - Эру Мирового Воссоединения - человечество наконец уделило должное внимание широкой работе с человеческой психикой, прежде носившей скорее терапевтический характер и зачастую игнорировавшей влияние физиологии. Однако последующий выход в большой космос, сверхдальние многолетние космические полёты добавили немало головной боли земным психологам. Даже в идеально подобранных экипажах, как, например, в экипаже «Альграба», напряжение долгого полета, потрясение от аварии и ранения командира рано или поздно сказывалось. У Оры Гарм оно стало проявлять в длинных, многократно повторяющихся кошмарах, в основном связанных с боязнью утонуть в гигантских болотах, морях песка, бездонных и темных океанских глубинах. И сколько она себе не объясняла, что это следствие преломления через чувствительную психику их положения как щепки в руках космоса, снова приходила ночь и снова приходили тяжелые неприятные наваждения.

До общего подъема оставалось более двух часов, и Ора сбросила одежду, проделала несколько гимнастических упражнений. Ошутив в коридоре жилого отсека чье-то присутствие и слегка нахмурившись, Ора, не одеваясь, и подошла к двери своей каюты. Как она и ожидала, в коридоре стоял Тео, явно вздрогнувший от неожиданности.

После недолгого обмена взглядами Ора молча, но твёрдо взяла астронавигатора за руку, вводя в свою каюту и закрывая дверь. Прекрасно зная весь экипаж, порой даже лучше, чем люди знали сами себя, Ора отчётливо понимала, что юноша давно и безнадежно в неё влюблён. Не находя в себе ответного чувства, она тем не менее, не стала его отталкивать. Тем более сейчас, юный и любящий Тео показался тем лучом света в черной бездне песка, протянутой рукой помощи.

В тусклом свете ночника обнаженная фигура Оры показалась астронавигатору отлитой из тёмного серебра, и у него перехватило дыхание от восхищения красотой и притягательной силой женщины. Уже ни о чём не думая и также безмолвно, он подхватил Ору на руки...

Некоторое время спустя Ора Гарм мягко высвободилась из объятий Тео, легко поцеловала его и аккуратно выпроводила молодого астронавигатора. Тео немного виновато улыбнулся, коснувшись на прощание губами её руки. В его глазах недоступная

и одновременно такая близкая Ора Гарм в это утро стала почти богиней, подарившей любовь смертному человеку, но не переставшей от этого быть далёкой от него. Несмотря на стиснувшее сердце сожаление, в душе осталось ничем не омрачённое ощущение света и чистоты, не было древнего мрачного чувства отвергнутого мужчины.

Подлинное равноправие полов в Эру Великого Кольца, достоинство и независимость женщины позволили изжить древнее прямолинейное чувство собственника, ранее неизбежно вспыхивавшее в человеке и отравлявшее порой даже самые искренние и преданные отношения. Точнее, сами отношения перестали нести оттенок служения, очень часто со временем убивавшего всякое чувство. В узком мирке экипажа, годами не покидавшего своего корабля, но состоящего из здоровых и великолепно развитых физически молодых людей, усиление притягательности Эроса было неизбежно. При этом, установления раз и навсегда сформировавшихся пар, как правило, не происходило. Полёт проходил более комфортно для всех при сохранении ровных дружеских отношений, что заставляло людей уметь выдерживать некоторую дистанцию и уважать личный выбор каждого, каким бы он не был. Ни Ора, ни Тео так и не произнесли ни слова.

Настроив в своей каюте любимый запах ночной африканской саванны, Ора вернулась к мыслям последних дней. Однако вскоре в дверь снова негромко поскреблись, и врач с лёгким недоумением увидела на пороге уже Бас Гора. Извинившись за столь раннее беспокойство, электронный инженер попросил о небольшом разговоре.

- Вы знаете, что большая часть нашей работы почти завершена. – Негромко начал Бас Гор, глядя на Ору непроницаемыми черными глазами. – Остался важнейший этап – восстановление электронных связей и запуск четвёртого анамезонного двигателя.

Ора слегка приподняла брови, но не стала его перебивать, давая высказаться. Кратко обсуждавшаяся ещё на первом общем Совете идея Бас Гора по прямому подключению к мозгу корабля – МНУ – была ей хорошо памятна. Внезапное появление ранним утром электронного инженера не оставляло больших сомнений в теме разговора.

- Я пришел не уговаривать вас, а предупредить. - Поняв мысли врача поспешил продолжить Бас Гор. – Желание подключиться к МНУ могло появиться не только у меня. Вы хорошо знаете всех нас, но я больше всего опасаясь, что это попытается сделать Соль.

Не слишком готовая к такому повороту Ора промолчала. Несколько дней назад Рами Ант и Бас Гор, ценой больших ухищрений, смогли сконструировать для потерявшего зрение и слух начальника слуховой аппарат, позволивший наконец Соль Арку почти нормально слышать. Прибор по понятным причинам был достаточно несовершенен и начальнику было трудно различать товарищей по голосам, ставшим похожими на однотонный голос переводной машины, но Соль очень быстро научился это делать по манере речи. После этого он самым активным образом, насколько позволяла слепота, вновь включился в общую работу и жизнь экипажа. Верная Свея Люми взяла на себя роль добровольного помощника и секретаря. Личная тёмная бездна начальника экспедиции была самой безусловной и конкретной из всех. Но, в то же время, любовь Свеи, возможность вернуться к работе и даже спорту, желание во что бы то не стало *преодолеть* любые препятствия, сделали его, погруженного в постоянную тьму, наиболее невосприимчивым к ней. За командира врач пока была спокойна.

- Я надеюсь, - наконец проговорила Ора, слегка сжимая руку электронного инженера и глядя ему в глаза, - что понимание важности каждого для других не позволит нам, в том числе командиру, совершать столь необдуманные поступки. Думаю, что я поняла вашу мысль. Желание преодолеть последствия облучения и вызванную ею слепоту может подтолкнуть его к жертве собой не только из стремления спасти нас, но и как неосознанное чувство перебороть своё ограничение, самым радикальным способом, вместе с жизнью.

- Поэтому я хотел предложить вам установить регулируемый замок медицинского блока, - темные глаза Бас Гора потептели, он улыбнулся своей неподражаемой улыбкой, от которой стал похож на мудреца и ребёнка одновременно. - Подключиться к МНУ можно только из него, через реанимационный модуль.

- Не стоит этого делать. – Твёрдо возразила Ора. – Вероятность того, что вы описали, есть и сохранится в

дальнейшем. Однако, пожалуй, реализовать такое подключение практически смогли бы только вы, Соль и Рами. Всем остальным просто не хватит навыков и настолько глубокого понимания алгоритмов работы МНУ. Но есть и ещё кое-что, самое важное. Поставив замок, я своими руками сделаю даже худшее – верну нас, в некотором роде, во времена ЭРМ, когда люди из лучших или худших побуждений, а по сути, не доверяя друг другу, ставили вооруженную охрану возле спасательных средств, кладовой с последними запасами еды или последней ёмкостью с водой. Возможно, в то время и в тех условиях это было оправдано и единственно необходимо. Конечно, наш случай совсем другой, и ваше предложение не о защите чего-то ценного от случайного эгоиста, но о защите нас, ради нас же самих. Но я не хочу даже отдаленно приближать нас к похожим мыслям, давать малейший шанс росткам древней психологии. Да, мы одни на полтора парсека вокруг, но мы здесь частица человечества. Для нас важно не только спастись, но и остаться людьми.

Бас Гор покачал головой, явно не соглашаясь, но возражать не стал.

- Но вы ведь не только для этого пришли? - Ора пронизательно посмотрела на него.

- Да, просить тоже пришёл, точнее, предложить. – Признался Бас Гор, вздохнул и продолжил после паузы, крепко взяв Ору за руку и жестом большой дружбы погладив её пальцы. – Прямое подключение к МНУ действительно смертельно опасно, и здесь вы с Содем абсолютно правы. Наш мозг – прекрасная, непревзойденная, но очень хрупкая вычислительная машина. Даже далекому от медицины человеку после истории с командиром это теперь очевидно. Да, мне не слишком жаль своей жизни, особенно сейчас, когда... - инженер запнулся и поправил себя, - когда есть возможность помочь всем. Да, я люблю Свею и хочу, чтобы её глаза снова когда-нибудь увидели свет земного дня. Хочу, чтобы Соль снова зажил нормальной жизнью. Я мечтаю, чтобы Свея могла смотреть в его глаза и видеть в них ту же любовь, которую чувствует к нему. Но для всего этого не обязательно кому-то погибать, а тем более погибать без малейшей пользы. Я хотел модифицировать свой план.

Бас Гор умолк и Ора пришла к нему на помощь:

- Говорите, как есть, и не бойтесь, если я что-то не пойму. Но

давайте условимся сразу о простой вещи. Я вас выслушаю и оценю мысль как друг, но главное в сказанном мы обсудим на общем Совете.

- Я предлагаю скопировать мою память в «сознание» МНУ, и после корректировки некоторых алгоритмов перенести её на автономный внешний носитель с возможностью дальнейшей самостоятельной обработки данных и принятия решений. То есть сделать малую мыслительную машину на основе моего собственного мыслительного кода. Далее мы создаем безопасный протокол для подключения через полученное устройство, которое бы контролировало поток информации и защищало мозг от перегрузок, минуя ячейки неизбирательной в этом смысле МНУ. Затем соединяем полученный процессор с блоком управления двигателем через самые обычные каналы связи, протягиваем кабели. Далее я сам подключаюсь к сменному блоку и работаю с ним как оператор. Да, не совсем обычный оператор, это потребует также прямого подключения. Но опасность здесь меньше, всю нагрузку возьмет на себя новое мыслительное устройство.

Ора опустила голову, сжав ладонями виски. Хотя она и ожидала чего-то подобного, но этот просто изложенный план заставил глубоко задуматься.

Земные нейробиологи и психофизиологи ещё в поздней ЭРМ установили, что особенности психического поведения человека, начиная от общих способностей, таких как интеллект, заканчивая проявлениями тяжелых заболеваний - депрессии и шизофрении, – во многом зависят от специфических особенностей мозга. Тогда же стало очевидно, что основа его нормальной деятельности не ограничена пределами черепной коробки и содержит обратные связи со всем организмом человека, а также сознательной и подсознательной областями психики. Более того, было доказано, что такие связи уходят в бесконечную древность через механизмы наследственной информации, протягиваясь до самых первых бактерий, появившихся на Земле около четырех миллиардов лет назад.

Однако в этот же период в массовой культуре и даже научной среде начал настойчиво подниматься вопрос о возможности переноса сознания и личности человека, вместе со всем набором его знаний, опыта и особенностей поведения, в мозг другого человека или память электронного устройства. Отчасти

такое стремление объяснялось осознанием краткости срока земной жизни того времени, сожалением о бесплодно пролетевших годах, стремлением к мнимому бессмертию. Успехи машинного интеллекта только подогревали подобный интерес. Казалось, дело за малым – создать вычислительные машины огромной мощности и производительности, способные с помощью медицинских инструментов прочитать и перевести в математический код полное содержимое мозга и сознание любого человека.

Как позднее установили историки по отдельным чудом сохранившимся свидетельствам, в самом конце ЭРМ всё же были проведены чудовищные эксперименты на «наименее полезных», как выражались тогда, членах общества. Однако, несмотря на достаточно высокое развитие вычислительных систем, все без исключения подобные опыты закончились гибелью или непоправимыми увечьями несчастных подопытных. Жестокие исследователи, а точнее, изуверы, смогли лишь частично перенести в память машины содержимое восьмидесяти шести миллиардов нейронов и сотен триллионов синапсов⁶ человеческого мозга, которые одновременно функционируют в бесконечно сложной сети. Результат оказался ничтожным. На электронных носителях оказалось бесчисленное количество бессвязной информации, почти не поддававшейся расшифровке. Тем более, не могло быть и речи о появлении в этом хаосе какого-либо сознания.

В ЭМВ безумные цели и методы прошлого ушли в небытие. По мере развития технологий, сканирование мозга стало возможным, но теперь применялось врачами лишь в качестве одного из безвредных инструментов исследования для определения наилучшей стратегии при работе с психическими отклонениями. Сравнение полученных электрических схем могло многое рассказать о механизмах, лежащих в основе как психической исключительности, так и патологии. В дальнейшем это позволило перейти к разработке передовых и целенаправленных методов лечения, таких как точные хирургические вмешательства и индивидуальные нейронные протезы.

Установленная на «Альграбе» малая модель электронной

⁶ Синапс (от греческого — «соединение», «связь») — место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал клеткой, регулирующей биологическую активность белков. Синапс служит для передачи нервного импульса между двумя клетками, химическим или электрическим путём.

машины МНУ-11, в сочетании с реанимационным модулем медицинского блока, теоретически, позволяла произвести подобную операцию. Однако настолько глубокое сканирование ранее никогда и никем не производилось. Также непрогнозируемыми последствиями грозили последующие настройка полученного информационного носителя, его одновременное подключение к аварийному двигателю и мозгу инженера.

- Бас, - наконец произнесла Ора, поднимая глаза, - вы осознаете, к чему это может привести? Мы не знаем, как именно сработает эта система, и какой ценой. Даже при успехе вы можете потерять себя, стать лишь тенью того, кем были.

— Я все понимаю, - тихо и уверенно ответил инженер. - Но я убежден, что мы способны и должны всё это сделать. Я не хочу умирать, Ора. Я хочу жить, и хочу, чтобы мы все выжили. Вы много и правильно сказали о недопустимости неоправданного риска, о важности доверия и человечности. Но разве можно остаться человеком, постоянно жалея себя? Я слишком люблю вас для этого!

Два дня спустя, на общем Совете, Бас Гор почти дословно повторил свои соображения. Затем поднялась Ора, вопреки своему обыкновению тихая и молчаливая.

- Как врач, я могу произвести подобную операцию по переносу копии сознания. Могу также контролировать состояние Баса при настройке полученного мыслительного блока и подключении к двигателю. Но, также как врач, я не могу согласиться с риском для жизни одного из нас, что бы за этим не стояло. Не могу согласиться с возможной жертвой за чужой счет. Простите. Прости, Бас! – Ора Гарм прикрыла глаза руками.

В библиотеке-лаборатории повисла тяжёлая тишина. Собравшиеся за белым овальным столом астролётчики сидели почти не шевелясь, как ледяные изваяния. Молча встал Соль Арк, безошибочно ориентируясь в обстановке помещения. Медленно обойдя стол, точным движением он положил руки на плечи сидящих рядом Тео и Рами.

- Прежде чем мы примем окончательное решение, - отзываясь на жест начальника, наконец нарушил общее молчание Рами Ант, - все должны узнать результаты последних вычислений.

Итак, при нормальной работе четвёртого двигателя его общая мощность составит около двадцати процентов от номинала всей системы. Мы все, и особенно я, первоначально не приняли во внимание одно простое условие. Торможение и остановка корабля, разворот и набор нового ускорения с нулевой скорости ещё более снизит максимальную мощность. Здесь прямая взаимосвязь: чем больше общая начальная мощность, либо чем выше стартовая скорость, тем производительнее единственный работающий двигатель. Их не случайно устанавливают пакетом, именно четыре. В итоге, путь в полтора парсека до Земли на одном анамезонном моторе в любом случае займёт никак не менее сорока пяти зависимых лет. К слову, при сохранении нашей нынешней скорости в половину световой и добавлении ускорения мы достигнем Скорпиона примерно за пятнадцать лет.

Командир звездолёта не мог видеть лица членов своего экипажа, но снова воцарившееся молчание было самым красноречивым ответом. Астролётчики готовились ко всему, но последние слова прозвучали почти как приговор.

- Я согласен с Орой, – Соль Арк повернул лицо, наполовину прикрытое щитком переговорно-звукового устройства, к сидящему напротив Бас Гору. – Но моё решение таково: вопрос выбора направления пока оставим открытым. Реанимационный модуль рассчитан на размещение одного или двух человек. После переноса мысленного кода настройкой устройства и дальнейшим подключением займемся мы вдвоём – Бас и я. Приходится признать, что только исправный двигатель дает нам высокий шанс не закончить свои дни в этих стенах, посреди окружающего на триллионы километров черного ледяного безмолвия.

Глава 5. Ледяное безмолвие

Глубоко чёрное небо с бесчисленными иглами звёзд и маленьким белым фонариком Солнца резко контрастировало с ослепительной белизной равнины, испещрённой разломами среди нагромождений ледяных глыб. Где-то за горизонтом, переливаясь в солнечном свете, медленно поднимались на сотни километров вверх колоссальные струи моментально замерзающей воды и пара, напоминая далёкий фонтан или фейерверк. Но основное внимание привлекал не пейзаж, а исполинский, занимающий почти половину неба диск Сатурна, частично прикрытый туманной дымкой плоскости одного из внешних колец. Непривычно близкая из-за малых размеров планетки линия горизонта создавала впечатление, что зритель сидит на дне ледяной котловины, стражем которой выступает неумолимый газовый гигант.

- Что ты мне хотела показать? – спросил у собеседницы Рами Ант, не без труда отрывая взгляд от экрана с видом поверхности

Энцелада - шестого по величине спутника Сатурна.

- Как ты не видишь, - улыбнулась Тиера Клио, молодая помощница археолога, указывая на едва заметную точку в правом нижнем углу, - вот же он!

Рами приблизил изображение. Стал заметен чёрно-серый, в изумрудных прожилках, обелиск, напоминавший высокую вытянутую пирамиду со срезанной вершиной. На ней размещалась серебристая фигура в виде исследовательского зонда старинного типа в натуральную величину, увенчанного параболической антенной и направленными во все стороны спицами анализаторов⁷. Несмотря на общую простоту композиции, в ней было нечто величественное и трогательное одновременно: скромный памятник огромному человеческому труду и смелой мечте о космосе под вечным присмотром грозного и прекрасного Сатурна.

- Когда мы поставили этот памятник, никто не мог даже предположить, что найдем именно здесь, в районе «тигровых полос»⁸. – Голос Тиеры дрогнул от волнения.

Рами кивнул. Эта история стала сенсацией последнего полугодия, когда глубоко под ледяной корой в районе южного полюса спутника была случайно обнаружена древняя, непонятно как сохранившаяся исследовательская станция. Архивы земных космических учреждений конца ЭРМ, сильно пострадавшие во время разрушительных мировых войн, не сохранили о ней никаких сведений. Возможно, информации изначально было не слишком много из соображений распространенной в то время «секретности» - практики сознательного утаивания многих важнейших научных знаний, чтобы те не попали к военным или политическим противникам. Но, в любом случае, открытие столь ценного исторического объекта, да ещё и в таком невероятном месте, стало огромным подарком для археологов. Несколько дней назад первая группа из четырнадцати исследователей наконец подобралась к станции, вмороженной в толщу льда с внутренней стороны коры,

⁷ Речь идёт об автоматической межпланетной станции «Кассини-Гюйгенс», созданной для исследования планеты Сатурн, его колец и спутников, в том числе Титана и Энцелада. Комплекс работал на орбите Сатурна с 2004 по 2017 гг., состоял из орбитальной станции «Кассини» и спускаемого аппарата с автоматической станцией «Гюйгенс», предназначенной для посадки на Титан.

⁸ «Тигровые полосы» – неофициальное название четырех длинных разломов ледяной коры в районе южного полюса Энцелада.

близко к подлёдному океану.

На хорошо изученном в Эру Кольца Энцеладе не было постоянной базы, поэтому техническое сопровождение оказывалось силами станции на Титане - неофициальной «столице» всей системы спутников Сатурна. Здесь работал и Рами, инженер-пилотом исследовательского катера усиленного ледового класса. Один такой катер с археологами сегодня пробился к станции. Доставивший его ионный планетолет из-за поломки пришлось вернуть на Титан, но через два дня ожидался другой. Он должен был взять сменную группу исследователей, в том числе Тиеру Клио, с горячим нетерпением ожидавшей этого дня. Вот и сейчас она закончила читать Рами – своему давнему другу – очередную лекцию об истории освоения Энцелада, явно полностью занимавшего её внимание.

Пообещав прийти на вечернее музыкальное выступление и попрощавшись с девушкой, Рами направился в жилой блок, но до своей каюты дойти так и не успел. Резкий тревожный сигнал экстренного вызова застал его перед самой дверью. Примчавшись в центральный пост, он застал там почти весь состав экспедиции.

— Это не исследовательская станция. — С помертвевшим лицом сообщил всем начальник. — Это боевой планетолет наших предков. Археологи благополучно зашли в него и начали осмотр. Очевидно, именно в этот момент включились спящие охранные системы. Планетолет был разгерметизирован, а пристыкованный экспедиционный катер вместе с оставшемся на нем пилотом уничтожен неизвестным видом оружия. Имеющегося у археологов запаса воздуха в баллонах хватит примерно на десять часов.

Все головы повернулись к Рами, как пилоту единственного катера. Однако ставший сухим и надтреснутым голос начальника добавил:

- Титан сейчас почти в противофазе с Энцеладом, и он на противоположной от нас части орбиты Сатурна. Катеру, не приспособленному для долгих самостоятельных полетов в открытом космосе, даже на предельной скорости, потребуются сутки.

Горячая ладонь стоящей рядом Тиеры до боли сжала его руку. Рами не стал тратить много слов на объяснения и через десять минут уже выводил катер из ангара. Начальник станции не стал препятствовать молодому пилоту, хотя внутренне был уверен,

что археологи обречены.

Смутно возникший в голове план окончательно сформировался, когда катер уже пробивал густой оранжевый смог атмосферы Титана. Расстояние от Титана до Сатурна – примерно двадцать радиусов последнего или около одного миллиона двухсот тысяч километров. Облёт гиганта на предельно малом расстоянии для ускорения за счет гравитационного манёвра – ещё двести восемьдесят тысяч. Это позволит набрать максимально возможную скорость, хотя выйдет далеко за конструктивные ограничения катера. Далее остаток пути до Энцелада – сто восемьдесят тысяч километров. Затем, если катер выдержит безумный полёт, непосредственно погружение в одну из «тигровых полос» и путь в подлёдном океане до планетолёта. С учетом форсажа планетарного двигателя на обратный путь не останется топлива, но Рами об этом уже не думал.

Восемь часов до Сатурна показались пилоту самыми долгими и тяжелыми за всю его жизнь. Жестокое беспокойство за товарищей, запертых на планетолете на глубине двух километров под ледяной корой Энцелада, и временами подкатывавшее отчаяние от невозможности ускорить полёт буквально сводили с ума. Сидящая рядом Тиера категорически отказалась остаться на базе и Рами махнул рукой, рассудив, что её помощь может быть не лишней уже на самом Энцеладе, как самого большого знатока по этой планетке.

Наконец, изображение Сатурна заняло весь экран переднего обзора. Наступил решающий момент полёта. Зная, что предохранительная система, щадя хрупкие человеческие жизни, не даст опуститься слишком низко для выполнения манёвра, Рами перешел на ручное управление. Прочерченная курсовым прибором линия пути непрерывно понижалась, прижимая катер почти к границам атмосферы планеты. Рами почувствовал, как тело всё более наливается свинцом, словно гигантская планета, красиво и страшно раскинувшаяся внизу, стискивала людей в своих неумолимых объятиях. Глаза начало постепенно завлакивать красным туманом. Индикатор температуры внешней обшивки дошел до предельных значений и выключился – его датчики не выдержали перегрева.

«Катер только после ремонта теплоизоляционных плиток. - Несмотря на нечеловеческое напряжение, подумал Рами краем

сознания. - Красивый за нами сейчас, наверное, огненный шлейф».

Едва слышный гул двигателя перешёл в надсадный стонущий вой. Катер ощутимо вздрагивал, словно борясь как живое существо, давно вышедшее за пределы страха и усталости. В его неистовом беге оставалось только последнее яростное желание – только не упасть прямо сейчас, только бороться, только бы жить! Рами не мог повернуть голову, ничего не видя вокруг, только слышал к в соседнем кресле хрипела Тиера.

«Нет, - вдруг ясно и четко подумал Рами, словно кто-то другой сказал ему это сейчас прямо на ухо, - я не отдам вас, никому не отдам. Ни Сатурну, ни Энцеладу, ни древним убийцам. Пока у меня осталась хоть капля жизни, я не потрачу её на жалость к себе. Я не остановлюсь и не отверну. Тиера ещё станет великим археологом. И славные ребята подо льдом многое узнают и откроют. Мы доживём, мы успеем!»

Он сам не мог потом вспомнить, каким образом сделал эти три четверти оборота вокруг Сатурна, как сумел поднять катер, выходя на прямую к Энцеладу. Не мог себе внятно объяснить, как катер выдержал кошмарную гонку и битву с планетой-гигантом. Через девять часов после отлёта с Титана они достигли Энцелада, но были вынуждены сделать ещё три оборота вокруг него, гася набранную скорость. Следуя указаниям пришедшей в себя Тиеры и стараясь не думать о том, что осталось от обшивки, Рами направил катер в крайнюю «тигровую полосу» на южном полюсе, когда-то названную земными астрономами «бороздой Дамаска».

- Здесь буквально вчера был мощный выброс, трещина не успела закрыться полностью. Поверхность покрылась льдом, но даже на двухсотградусном морозе не могла промерзнуть на все два километра толщины панциря. Попробуем пробиться здесь! – Голос Тиеры Клио был глухим, но глаза смотрели с отчаянной решимостью.

Равнодушное ледяное безмолвие под черным небом было настолько контрастным по сравнению с огненной атмосферой Сатурна, что в иное время Рами остановился бы посмотреть на впечатляющий пейзаж. Но сейчас он даже не взглянул по сторонам. С замиранием сердца, с третьей попытки им удалось выпустить проходческий щит, чаще называемый просто ледяным буром, и катер нырнул в трещину.

- Как погиб первый катер? – спросил Рами, преодолевая шум

бура и визг трущейся обшивки.

- Насколько я поняла, небольшой автоматический аппарат вылетел из планетолета и сначала взорвал дверь переходного тамбура, проник в катер и взорвался уже внутри. Корпус катера остался цел, но были уничтожены все приборы управления, запасы кислорода и погиб пилот... - Голос Тиеры дрогнул. – Затем корпус планетолета наполнила смесь какого-то ядовитого газа. Хорошо ещё, что все работали в скафандрах.

Через сорок минут они, наконец, достигли подледного океана. В свете прожекторов нависающий сверху ледяной панцирь Энцелада напоминал неровный бугристый потолок. Несмотря на все усилия, с экспедицией никак не удавалось связаться, поэтому молодые люди могли только надеяться, что археологи живы. Наконец, курсовой прибор вывел их к древнему планетолету, напоминавшему вблизи грязно-серый акулий плавник, наполовину погруженный в лёд. Стал виден и пристыкованный к нему катер экспедиции.

Рами осторожно соединился с катером трубчатой галереей и с невероятным облегчением понял, что они *успели*. В дальнем конце тамбура кто-то уже махал рукой. Едва живые от удушья, напряжения и усталости археологи, все четырнадцать человек, перебрались на катер. Но радоваться спасению не было времени – планетолет стал буквально оживать. В боку «акульего плавника» медленно открылась черная щель, похожая на изгибающийся в кривой ухмылке рот. Рами понял, что отвести катер далеко в сторону он уже не успеет. Не став дожидаться и выяснять, какой именно вид смерти им приготовила древняя боевая машина, он включил бур на полную мощь. Вращающаяся фреза из кристаллически перестроенного рения ударила чудовище прямо в открытую пасть. Прочнейший бур в несколько секунд разрубил планетолет почти пополам и во все стороны брызнули осколки серого корпуса, забарабанив по обшивке катера. Остатки древнего военного корабля медленно посыпались в бездонную черноту подледного океана.

... Рами Ант и руководитель группы археологов стояли в легких тепловых противорадиационных скафандрах недалеко от памятного обелиска, рассматривая стоящий на его вершине космический зонд. Вокруг раскинулась спокойная безмолвная ледяная равнина. Из черного неба с огромным зеркалом Сатурна

медленно падали легкие кристаллики водяного льда, похожие на крупный земной иней. Далеко позади обелиска на головокружительную высоту поднимался гигантский фонтан из мгновенно замерзающих струй воды и пара. Всё происходило совершенно беззвучно, но Рами казалось, что он слышит спокойное и мерное дыхание Энцелада, отдыхающего после пережитых потрясений.

- У вас не осталось обиды на них? – спросил Рами, не отрывая взгляда от памятника.

Археолог ответил не сразу, оглянувшись на черный от ожогов помятый катер, стоящий неподалеку. После подъема на поверхность топливо закончилось, поэтому они решили дожидаться большой экспедиционный планетолёт прямо здесь же, возле памятной площадки. Бессмысленно рисковать и вступать в борьбу с тяготением Сатурна без маршевого двигателя никому не хотелось.

- Вы знаете, нет. Я понимаю, сейчас вы думаете о том, что мы поставили памятник первым людям, дотянувшимся до этих мест своими мыслями и знанием. А затем эти же люди едва не уничтожили нас. Не они сами, конечно, но их современники. Вполне возможно, такие же учёные. Но памятник посвящен тем, кто в те жестокие времена думал о развитии знания и мудрости, о человеческом движении вперед. Не их вина, а их беда, что дурно устроенное общество плодило машины для убийства и больше славилло самих убийц, часто прикрывавшихся масками мудрецов. Что многие открытия были применены во вред, и это едва не уничтожило всё человечество. Но именно человеческое, а не звериное, хочется верить, победило в нас. Отчасти, именно поэтому мы и оценили предков только по себе, решив, что внизу нас ждёт исследовательская станция. Судя по всему, этот планетолёт – вершину военной и инженерной мысли конца ЭРМ – в то время попытались спрятать, в надежде позднее снова использовать, отомстить более удачливым соперникам. В итоге не нашли ничего лучше, чем разместить здесь, на задворках системы Сатурна. Только плохо рассчитали место – во время очередного сдвига коры планетолет провалился под лёд и лишь непонятным чудом не был раздавлен, а просто вмёрз, постепенно уйдя на глубину. Ничего особенно интересного мы в нём не обнаружили, ни документов, ни даже останков экипажа. Лишь полный боезапас древнего ядерного

оружия, не стоявшего, впрочем, на боевом взводе, иначе нас бы уже не было в живых.

Археолог снова помолчал и негромко добавил:

- Это и наука нам впредь, жестокий урок, особенно историкам и археологам. Прошлое – бездонный ящик, с которым нужно работать не только с чистыми руками и помыслами, но и с холодной головой. Но грань тонка, а бездна, от которой мы вроде бы давно отошли, всегда может оказаться рядом. Нам с вами всегда стоит об этом помнить.

... Рами оторвал взгляд от белого глянцевого стола библиотеки-лаборатории «Альграба», так живо напомнившую ему сейчас ледяную поверхность Энцелада. Положил ладонь на руку командира, всё ещё сжимавшую его плечо.

- Соль, - проговорил инженер, чувствуя тепло руки начальника, - если мы решим лететь к Скорпиону, я, кажется, знаю, как нам потом можно вернуться.

Глава 6. Вернуться

Копирование информации в память МНУ не заняло слишком много времени и прошло успешно. Во всяком случае, машина бесстрастно зафиксировала заполнение десяти в пятнадцатой степени элементарных единиц памяти. Теперь предстояло самое сложное. Соль Арк и Бас Гор, плечом к плечу легли в реанимационный модуль, разделенный легкой перегородкой. Вокруг неподвижно встали остальные члены экипажа, и в этот момент все вместе показались Тео неприятно похожими на древнюю похоронную процессию. Лишь Свея Люми осталась у приборов в посту управления. Её состояние было понятно без лишних слов, поэтому Ора даже испытала некоторое облегчение от того, что астронавигатор не видит происходящего. Закусив губу, врач одела на каждого астролётчика шлем, похожий на серебристый шипастый шар или тысячекратно увеличенный в размерах вирус.

- Настроим двигатель и вернёмся! - Ободряюще сказал Бас Гор, однако Ора покачала головой.

- Я буду «будить» вас для отдыха каждые два часа. После оценки состояния будем решать, как поступить дальше.

Все шесть собравшихся в медицинском блоке астролётчиков на прощание соединили руки. Ора нажала несколько кнопок, и свет в реанимационном модуле стал тускнеть, а затем исчез, погружая в темноту и безмолвие. Вновь оглохший без своего слухового аппарата Соль Арк почувствовал, что его сознание будто начинает распадаться на миллионы частиц. Постепенно пропало восприятие собственного тела, стало растворяться само ощущение времени и пространства. Показалось, что он со всеми мыслями, чувствами и памятью стал наполненным водой аквариумом, который кто-то погрузил в безбрежный океан.захотелось убрать эти уже ненужные стеклянные стенки, стать частью гигантской необоримой мощи, которой бесполезно, да и незачем сопротивляться. В сознании с калейдоскопической быстротой пронеслись стремительно тускнеющие образы – опушка хвойного заснеженного леса, теплая ладонь дочери в его ладони, здание Совета Звездоплавания, белый корпус звездолёта, ощущение жара обнимающих женских рук. Огромным усилием воли, словно продираясь через опутавшую с головы до ног паутину, он осознал себя начальником экспедиции. Вспомнил до мельчайших подробностей каждую секунду из прошедших пяти лет путешествия, гораздо яснее, чем на любой «звёздочке» памятной записи.

Разум снова начал обретать чёткость. Соль Арк стоял у подножия исполинской горы, вершина которой в тысячелетних снегах уходила в бездонную черноту неба. Внизу гора заканчивалась резким обрывом, под которым бушевал стобалльным штормом беспредельный черно-синий океан. Однако звуков не было слышно, окружающее обволакивала чарующая, абсолютная тишина.

Внезапно он увидел стоящего рядом невысокого человека в странной длиннополой белой одежде. Руки неизвестного утопали в длинных рукавах и были скрещены на груди. Человек повернул голову, отрывая взгляд от бушующего океана, и начальник узнал лицо Бас Гора. Инженер улыбнулся.

- Соль, ты слышишь меня? – Где-то в глубине сознания

прозвучал необыкновенно, нечеловечески четкий голос.

- Да, слышу, - ответил Соль Арк, хотя не был уверен, слышат ли они друг друга или это лишь отражение собственных мыслей.

- Мы находимся в системе, которую я создал. Я не знаю, как твой рассудок разворачивает перед тобой окружающее, скорее всего, оно цепляется за привычные образы. Но в любом случае, этот мир иллюзорен, реальны только мы с тобой. – Бас коротко и грустно усмехнулся. – Хотя, здесь начинаешь иначе смотреть на реальность собственного существования, может, иллюзия вообще сам наш полёт и вся наша жизнь. Какой из миров более реален: тот, который мы переживаем как живые существа, или тот который является аспектом нашего психологического опыта? Каждый такой мир, и мир нашего звездолёта, и иллюзорный мир вокруг нас – лишь уровни развертывания нашего сознания. В некотором роде, можно сказать, что мы сейчас вышли из низшего мира желаний, на котором развернуты как живые существа, и вышли в мир форм, в котором нужно отодвинуть привычные представления и желания, и далее в сферу чистого сознания.

- Думаю, не стоит сейчас углубляться в этот вопрос. Если бы речь шла только о чистых играх разума, это могло бы стать интересным опытом. - Соль Арк снова посмотрел на беснующийся океан. - Я правильно понимаю, что это и есть наша цель?

- Да, нам нужно выстроить программу. – Бас Гор с явным усилием, будто отряхиваясь от чего-то невидимого, помотал головой. – Наш разум понимает, что перед нами неструктурированный массив информации, а чувства передают картину чего-то непреодолимого, как яркий сохранившийся образ. Гора или башня позади нас – привычный строй сознания, она служит нам своего рода маяком, но помочь в непосредственной работе не сможет. Отрешившись от образа, мы окажемся будто внутри математической формулы. Нам остается только пойти вперёд и постараться сохранить разум в этом мареве.

Мужчины «взялись за руки» и сделали шаг вниз с обрыва.

Ощущения, захлестнувшие Соль Арка было трудно выразить обычными человеческим понятиями. Тысячи голосов одновременно выкрикивали в мозг миллионы слов. Он понимал, что самая сложная часть дела выполнялась сейчас именно Бас Гором, который в этом безумии *работал*. Начальник выполнял роль скорее резервной мощности, сдерживая напор лишней

информации, оставляя место только для нужных алгоритмов и команд.

Постепенно они начали осваиваться. «Океан» вокруг продолжал бушевать, но теперь его волны казались им не столь убийственными, словно тонущий человек вдруг понял, что умеет дышать под водой и уже не рискует захлебнуться. Пришло ощущение странного успокоения и начал выстраиваться мост или скорее тоннель через океан, ставший гораздо светлее прозрачнее. Конечно, это не было тоннелем в привычном смысле, а лишь сложнейшей программой для автоматического устройства, заново формирующей электронные связи. Начала проявляться структура — нечто вроде гигантской архитектурной модели, которая постепенно обретала сложнейшую, невыразимую словами форму. Это напоминало застывший и неуловимо перетекающий сам в себя танец тысяч фигур или превосходящую всякое воображение шахматную партию, где каждый ход и движение игроков дополняли друг друга, подчиняясь раз и навсегда выверенному, строгому порядку.

Строгий рассудок электронного инженера видел другое. Чёткие линии программного кода выстраивались одна за одной. Иногда мозг не выдерживал перегрузки, но на помощь приходил Соль Арк, забирая на себя горы программных ошибок. Бас Гор успевал ужасаться, понимая, что командиру приходится в действительности намного сложнее и он уже близок к пределу человеческой выносливости, сам до конца этого не понимая.

Казалось, что прошла целая вечность, но подключенный МНУ мозг точно знал, что они начали работать всего лишь сорок минут назад. Быстрота восприятия и реакции при прямом соединении с машиной изнуряла хуже всякой монотонной многочасовой работы. Бас Гор устал. Сознание, цепляясь за привычные представления и щадя хрупкую человеческую психику, выдало новый образ. Хмурая каменистая равнина была покрыта пожухлой сухой травой, слабо задерживавшей тонкую красноватую пыль. До самого горизонта, насколько хватало глаз, равнина была занята колоссальным по своим размерам войском в черных доспехах, с черными флагами на длинных древках копий. Передние ряды расступились и вперед вышли воины с длинными, очевидно невероятно мощными луками.

Картинка резко уменьшилась, отдаляясь, словно неведомый

оператор подкрутил ручку настройки. Стало видно одиноко стоящее красивое здание с крышей шатровой формы и загнутыми вверх нижними углами. Тонкие стены из простой фанеры раскрашены невообразимой красоты цветами, а окна закрыты почти невесомыми занавесями. Бас Гор в длиннополой белой одежде задумчиво сидел в одной из комнат перед огромным полотнищем, держа в руке кисть для рисования. Рядом стояло небольшое ведерко с киноварью.

«Ты хочешь, чтобы я написал иероглиф «Меч»? - Бас Гор оглянулся на собеседника, стоящего неподалёку скрестив руки.

«Да, мастер. Я прошу тебя написать его двадцатым способом, известным лишь тебе». – Собеседник поклонился, и Бас Гор узнал неуловимо изменившегося Соль Арка, седые волосы которого стали длинными и разметались по плечам, покрытым алым ханьфу⁹.

Они не пошевелились и даже не вздрогнули, когда стены здания начали навывлет пробивать длинные черные стрелы. Соль Арк одним лёгким птичьим движением взлетел на изогнутую крышу дома. В его обеих руках словно ниоткуда возникли длинные узкие мечи, вскоре превратившиеся в два широких туманных круга. Чёрные стрелы веером разлетались от неистово крутящихся лезвий.

Бас Гор, не теряя времени, но и не суетясь, взялся за кисть. Каждый штрих, каждое движение пальцев, каждый поворот головы необходимо было выполнить с исключительной точностью. Черты проводились с трудом, киноварь то и дело внезапно осыпалась, оставляя белый лист. Инженер, не до конца потерявший рассудок, раз за разом понимал, что это был лишь очередной алгоритм, выстроенный неверно...

Перед ним встал огромный, в половину человеческого роста, черный ворон. Распушив длинные перья, он приоткрыл клюв, и в сознании инженера зазвучал резкий голос:

«Он забрал твою женщину! Ту, которую ты так любишь, которая была тебе так близка!»

Бас Гор держал в руках свиток с идеально нарисованным иероглифом, который как по волшебству приобретал очертания, на глазах становясь синим дымчатым мечом, невероятно красивым

⁹ Ханьфу – традиционный китайский национальный костюм: узкоманжетная, длинная до колен верхняя одежда и узкая, длинная до пят юбка.

необычной, грозной красотой.

«Ты знаешь, что нужно сделать!» - Неизвестно откуда взявшаяся птица приближалась, а где-то внутри бился её мучительный голос.

Инженер видел спину командира, очевидно, из последних сил отбивающего стремительные черные стрелы. Соль Арк уже был на расстоянии одного короткого и сильного удара меча.

«Это выбор красивой и умной женщины, и так будет лучше для неё и нас всех. Пытаясь удержать уже ушедшее, я потерял бы и любовь, и друга, и себя. – Отвечая неведомому гостю, Бас Гор поднял меч над собой, и по синеватому лезвию пробежали алые искры. – Это была не война и не поединок. Мы много раз сражались на татами, и я всегда хотел одержать над ним верх. Но так не понимал главного: боевое искусство, как и жизнь, стоит на трёх ступенях. Первая, низшая, единение человека и меча. Когда внутри человека меч, а внутри меча человек - каждое слово и поступок может стать острым оружием. Вторая ступень – меч отсутствует в руке, но присутствует в сердце. Такой человек может стать гениальным ученым, творцом, а может стать жестоким слепым фанатиком, не видящим ничего кроме себя и своей мании. Я едва не стал таким, хотя этого обо мне никто не знает. Но третья ступень – отсутствие меча и в руке, и сердце. Нет безумных стремлений и грубого счастья обладания, а есть только служение другим и себе, мир со всеми, любовь к миру. Моя любовь к Свее и жизни не угасла, но стала больше меня».

Бас Гор быстрым движением развернул меч острием к себе. Птица тревожно зашевелилась, словно пытаясь помешать, выбить оружие из рук. В последний раз взглянув в черные глаза ворона, инженер бросился грудью на туманное синеватое лезвие.

Рами Ант сидел в своём кресле инженера двигательных систем, не отрывая взгляда от панели управления анамезонными двигателями. Честно признаваясь в этом самому себе, он очень сомневался, что идею Бас Гора удастся исполнить. Но и понимал при этом, что другого способа вернуть к жизни четвертый двигатель в их условиях просто не существует. Они уже сделали всё возможное: с огромным трудом переставили с одного из планетарных моторов чашечный отражатель, заменив уничтоженный метеоритом отражатель анамезонного мотора.

Протянули кабели через расчищенный технологический отсек, обеспечив связь с поврежденным двигателем. Оставалось только вдохнуть в него жизнь. Инженер поймал себя на мысли, что за этим коротким и простым словом «только» стоит почти непроходимая стена. Осторожно погладив рукоятки включения анамезонных двигателей, он почувствовал на себе чей-то взгляд и оглянулся.

Найя Матар, только что сменившая Свею Люми, поднялась из кресла дежурного навигатора.

- Рами, - проговорила она, сосредоточенно глядя на инженера и сделав несколько шагов к нему, - каким образом ты планировал ускорить обратный полёт, если двигатель удастся восстановить, и мы полетим к Скорпиону?

Несмотря на совсем неподходящий для этого момент, Рами Ант невольно залюбовался её волнистыми черными волосами и немного вытянутыми карими глазами, с надеждой горевшими на усталом серьёзном лице. Он коротко рассказал о давней истории на Энцеладе и своей идее, пришедшей на ум во время последнего общего Совета:

- При условии успеха с двигателем, после общего изучения планетной системы, я хотел на планетарных моторах выполнить разгон до звезды, после чего использовать её огромное тяготение для дальнейшего ускорения. Набрав некоторую стартовую скорость, мы выходим на курс к Земле и запускаем анамезонный мотор, тем самым частично компенсируя общий недостаток мощности. Конечно, - Рами поджал губы, - стандартной путевой скорости в пять шестых световой мы не наберём, но до половины сможем разогнаться.

Он развернул к астроному одну из панелей расчетной машины, быстро набросав чёткую схему. Найя напряженно всмотрелась в неё и, глубоко вздохнув, вытерла внезапно вспотевший лоб. Смутное ощущение ускользающей разгадки, мучившее её все последние дни, наконец оформилось в простую мысль. Словно ступая по тонкому льду, она осторожно проговорила:

- Насколько я знаю, для передачи на «Тантру» и возможного строительства защитного купола базы на Веге, у нас запасено много алюминизированного углеродистого волокна. Это тонкий и прочный материал с высокой отражающей способностью. Если бы мы смогли развернуть его вокруг «Альграба» на лёгком каркасе на

достаточно большую площадь, желательно в несколько километров, направив в момент поворота на курс к Земле в сторону звезды, это бы позволило набрать дополнительную скорость. Это можно сделать на орбите планеты, под прикрытием её магнитосферы, и будет не так опасно, как в открытом космосе.

Рами с изумлением посмотрел на астронома. Найя улыбнулась, в очередной раз вспомнив историю с акулами и своего юного спасителя, который и здесь, спустя годы, словно пришёл ей на помощь, подсказывая выход:

- Ещё в ЭРМ учёные разрабатывали различные, порой совершенно фантастичные, способы преодоления межзвёздных расстояний. Ты лучше меня знаешь, что несовершенная техника того времени даже для полётов на внешние планеты Солнечной системы требовала многие годы, а о других звёздах оставалось только мечтать. Тогда же возникла идея солнечного паруса - устройства или конструкции, работающей на давлении солнечного света, который падал на зеркальную поверхность и заставлял таким образом двигаться космический аппарат. Световой поток, отражаясь от поверхности паруса, как бы толкал корабль вперёд. Этот способ так никогда и не был реализован. Для нас, особенно после создания анамезонных двигателей, он стал совсем не нужен и был окончательно забыт. Случайно я подумала о нём недавно, и после запроса в памяти МНУ нашла, что такая идея приходила в голову не только мне.

Словно откликаясь на её слова, резко изменился тон настройки панели управления двигателями. Короткий низкий гудок заставил астролётчиков вздрогнуть и одновременно посмотреть на яркую зелёную сигнализацию, вспыхнувшую почти в центре панели, под рукоятками включения. Не веря себе и совершенно по-детски боясь ошибиться, Рами вручную трижды провел проверку электронных связей. Гулко и часто стучало сердце. Стоящая рядом Найя порывисто обняла и поцеловала инженера, тут же умчавшись в медицинский блок. Ошибки быть не могло: приборы свидетельствовали о готовности двигателя номер четыре к работе.

До планового пробуждения Бас Гора и Соль Арка оставалось четырнадцать минут, когда пронзительная трель извещателя реанимационной капсулы заставала вскочить напряженно сидящих в медицинском блоке Ору, Свею и Тео. Кардиомониторы показали,

что пульс инженера резко подскочил до двухсот ударов в минуту, в то время как у начальника он опустился почти до нуля. Не дожидаясь действий врача, автоматы начали реанимацию. Побледневшая Ора стиснула зубы и включила прерыватель, экстренно размыкающий прямое соединение контура управления МНУ и опутанных электродами мужчин.

Бас Гор резко открыл глаза, хватая ртом воздух и пытаясь сесть, но предусмотрительно пристёгнутые привязи заставили его лежать. Мгновенно сделанная инъекция успокоительного и дыхательная маска немного успокоили инженера и привели его в чувство. Он осмысленно посмотрел на Ору, едва заметно кивнув.

Соль Арк, неподвижный и бездыханный, вытянулся во весь свой рост во втором боксе реанимационной капсулы. Свея Люми с помертвевшим лицом стояла возле него. Экстренная дефибрилляция и массаж сердца не дали результатов, и Ора подключила вспомогательное электронное дубль-сердце, вновь погнавшее кровь по венам командира. Застрекотал аппарат искусственной вентиляции лёгких, и этот звук, всегда пугающий для обычных, не связанных с медициной людей, немного успокоил Ору.

«Я не дам тебе умереть, - думала Ора, ругая себя, что уступила Совету и согласилась провести весь этот опыт, - ты мне нужен, ты нам нужен! Мы давно стали одним целым, ближе самых близких людей, все семь человек. И мы вернёмся только все вместе!»

...Ещё не отдавая себе в этом отчет, Соль Арк понял, что у них *получилось*. Первым чувством была страшная, ни с чем из ранее испытанного не сравнимая, головная боль. Казалось, что голова превратилась в застывший во времени взрыв, который произошёл и никак не мог завершиться. Он закричал во весь голос, но с губ сорвался только еле слышный хриплый выдох.

Вместо ставшей привычной за последние недели глухой слепоты вокруг плыли бесформенные разноцветные пятна. Не понимая происходящего, Соль Арк инстинктивно открыл глаза, ставшие двумя колодцами неистойовой боли. Мешанина цветов разорвалась, как ветхий парус от сильного порыва ветра, и начальник вдруг *увидел* край реанимационной капсулы, полузабытый уже потолок медицинского блока и совсем близко -

встревоженные и прекрасные женские лица. Огромная тревога, смешанная с невыразимой нежностью, сделала внешне таких разных Свею и Ору похожими друг на друга, как отражения в зеркалах. Соль Арк, неожиданно для себя, удивился этому намного больше самого факта, что он вообще что-то видит.

«Если у двух красивых девушек такие встревоженные глаза, вряд ли мои дела особенно хороши». - Хотел улыбнуться и пошутить начальник, но всё время что-то мешало сказать хотя бы слово. Скосив глаза, он увидел край дыхательной маски.

- Да он смотрит на нас! – Весело проговорил возникший откуда-то сбоку Тео.

- И даже слышит, - улыбаясь, добавила Ора. – Бас, я так и не поняла до конца, что вы там делали, но похождения в памяти МНУ заставили его мозг сформировать новые связи. Похоже, мы сможем привезти на Землю один из новых методов лечения.

- Хватит, дайте ему отдохнуть! – Взмолилась Свея Люми, шутливо сердясь. Столько любви и безотчётной радости в её глазах Соль Арк никогда раньше не замечал. Наверное, нужно было ослепнуть, чтобы увидеть многое в ставших самыми родными людях и самом себе.

- Командир, последнее. – Добавил появившийся в поле зрения Бас Гор. - Пока ты здесь... отдыхал, мы решили слетать к Скорпиону. Надо же знать окрестности, раз есть такая возможность до них добраться. Мы ещё соберём Совет, и ты скажешь нам своё мнение. Но Рами и Найя уже предложили интересные способы набрать потом скорость и вернуться на Землю. Нам будет что рассказать дома! Приходи в себя, дорогой, мы очень тебя ждём!

Эпилог

Густой медный звон наполнил кубический зал Средиземноморской обсерватории Совета Звездоплавания и словно в ответ его тёмные стены постепенно утратили ощущение бесконечной глубины, осветившись мягким белым светом. Выполнив все необходимые действия с приборами и отправив экстренное сообщение в Совет, заведующий Внешними Станциями Великого Кольца Ник Семир осторожно погладил гранатовую рукоятку, откидываясь в кресле и пытаясь до конца осознать новость, которую вскоре узнает вся планета. Перед глазами всё ещё стояли только что виденные картины, принятые на волне дальних космических передач с невзрачной, доселе мало кого интересовавшей звезды ГСК682+28ТО, тусклого красного карлика, видимого с Земли только в сильные телескопы. Бурая равнина незнакомой планеты, покрытая мелким, развеиваемым ветрами

песком. Крупное багровое светило стоит низко над горизонтом в густо-синем небосводе, напоминая недобро горящий глаз. Мрачное нагромождение чёрных скал при ближайшем рассмотрении оказывается руинами невообразимо древних строений, раскинувшихся во все стороны уродливыми грудами и полуразрушенными скелетами. Фотоизображение создает полное впечатление, что единственное движение в кадре - вихри песка, поднимаемого к небу, и облачка пыли, закрывающие подножие руин.

Последняя фотография - группа людей в земных биологических скафандрах, стоящих на небольшом буром холме и обнимающих друг друга за плечи. Позади виднеется ослепительно белый, сверкающий корпус земного звездолёта второго класса, как олицетворение предупреждения мёртвой равнине, что к ней снова пришла жизнь, ещё хрупкая, но уже неостановимая.

Как смелый вызов, брошенный ледяным межзвёздным просторам и безжизненной планете, прозвучала текстовая часть сообщения: «Я «Альграб», я «Альграб». Повреждён метеоритом в районе..., не смог встретить «Гантру». Потерял ходовые моторы, после частичного ремонта продолжил путь по курсу к звезде... Вторая планета в зоне обитаемости, следы ранее существовавшей всепланетной цивилизации. В настоящее время остаточная жизнь бактериального уровня. По завершении общего исследования планирую вылет к Земле. Какое счастье будет вернуться!».

К сообщению прилагались точные координаты, данные о планете и составе её атмосферы, снимки поверхности и остатков городов, краткие описания находок. С горечью и содроганием Ник Семир снова посмотрел на восстановленный по сохранившимся изображениям и некоторым окаменелостям внешний облик бывших жителей планеты. Они необыкновенно напоминали землян. Но виды разрушенных тысячелетней эрозией оплавленных кратеров, разбросанных повсюду среди остатков городов, не оставляли сомнений в свирепствовавших войнах, погубивших некогда населявшую планету цивилизацию, а с нею и всё живое, кроме некоторых сохранившихся бактерий. Хмурясь, заведующий Внешними Станциями подумал, что не может быть простыми случайностью и совпадением вторая за относительно короткое время находка погибшей планеты, наряду с трагической Зирдой. Пройденный человечеством Земли огромный путь к братству

миров Великого Кольца и собственной подлинной человечности был в действительности намного более сложным, чем кажется порой самим землянам. Но лишь песок и пыль остались на увиденной сейчас мертвой планете. Они погребли под собой ярость слепого разрушения всего ранее созданного терпеливыми руками её жителей. Уже неважно, что многие из них наверняка успели с запоздалым раскаянием о чем-то пожалеть, подумать о мнимой важности своих конфликтов, о хрупкости мира и жизни. И никому не легче, что бездну времени спустя только окаменелые кости нашли случайно попавшие на убитую планету пришельцы из другого мира.

В очередной раз к Семиру пришла простая, но такая важная мысль о неизмеримой драгоценности хрупких островков жизни во Вселенной. Насколько прочнее они становились, соединенные разумом и мощью Великого Кольца, подлинным мостиком человечности среди безмерных мёртвых просторов космоса, равнодушного к проносившимся и канувшим во времени трагедиям отдельных миров.

Заведующий Внешними Станциями быстро нашел звёздочку памятной записи о тридцать седьмой звёздной экспедиции, с краткими сведениями о пропавшем без вести «Альграбе». Исчезнувший шестьдесят лет назад вспомогательный звездолёт вынырнул во всех смыслах откуда-то из могилы, как выразились бы в старину. За крайне скупым описанием аварии и схемы дальнейшего пути «Альграба» из полученного сообщения угадывался огромный труд по ремонту корабля, мужество решения экипажа продолжить путь в неизвестность вместо почти бесполезного стремления вернуться домой во что бы то ни стало. Звездолётчики не могли не понимать, что им может не хватить срока жизни на обратный путь, что они никогда не увидят небо родной планеты и лица своих близких. Однако подготовленных для «Тантры» запасов должно хватить, чтобы хотя бы дети героев беспримерного путешествия увидели Землю. Сквозящее в сообщении горячее желание вернуться не было только лишь тоской по оставленной Родине. Это стремление хотя бы через время отдать человечеству полученное с таким трудом новое знание, напомнить о грозной опасности, которой человечеству Земли лишь чудом когда-то удалось избежать. Кроме того, планета цела, стабильна и находится не так уж далеко от Солнца, погибшую

животную и растительную жизнь вполне реально со временем восстановить на основе земной. К сожалению, нельзя то же самое сказать о безвозвратно погубивших себя разумных обитателях далекого мира, от которых остались лишь засыпанные песком истлевшие костяки.

С учетом расстояния до открытой планеты, сообщение «Альграба» было направлено шестнадцать лет назад. Попытаться примерно оценить возможную скорость поврежденного звездолета после детального анализа всех данных ещё только предстояло, но Ник Семир не сомневался, что мужественные путешественники уже на пути к Земле.

Закончив работу, заведующий Внешними Станциями покинул кубический зал и поднялся на балкон обсерватории. Далеко впереди и внизу, в тихих рассветных сумерках, начинали светлеть волны Средиземного моря — колыбели человеческой цивилизации. Семир полной грудью вдохнул прохладный утренний воздух, всматриваясь в морскую даль. У самого горизонта крошечным белым пятнышком виднелся едва заметный треугольный парус, освещенный первыми лучами восходящего Солнца. Где-то в безмерной черной дали космоса уже звездный, солнечный парус нёс к Земле и Солнцу куда более ничтожную, в сравнении с масштабами Вселенной, человеческую скорлупку. Но упрямая воля и горячие сердца, как и тысячелетия назад здесь, в ласковой дали Средиземного моря, вели человека в радостный и горький путь — к ускользящему горизонту познания жизни и самого себя.

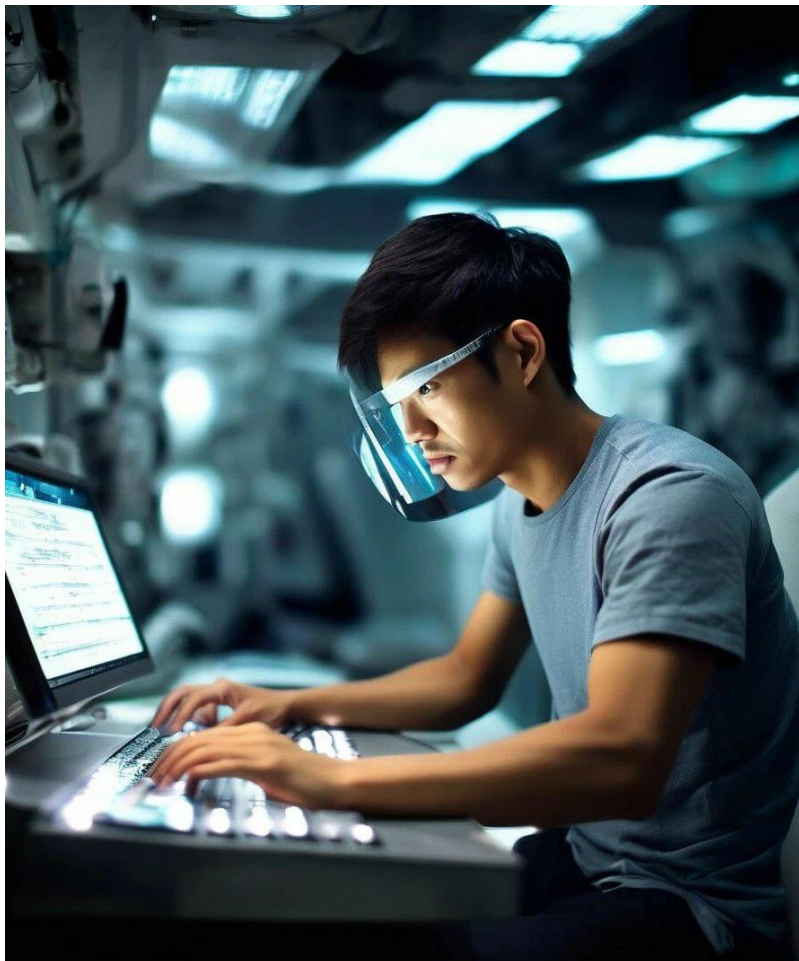
Курган – Элиста – Набережные Челны, 2023-2024.

*Соль Арк,
Командир звездолёта, начальник вспомогательной звёздной
экспедиции*

*Ора Гарм,
Врач экспедиции*

*Бас Гор,
Электронный инженер*

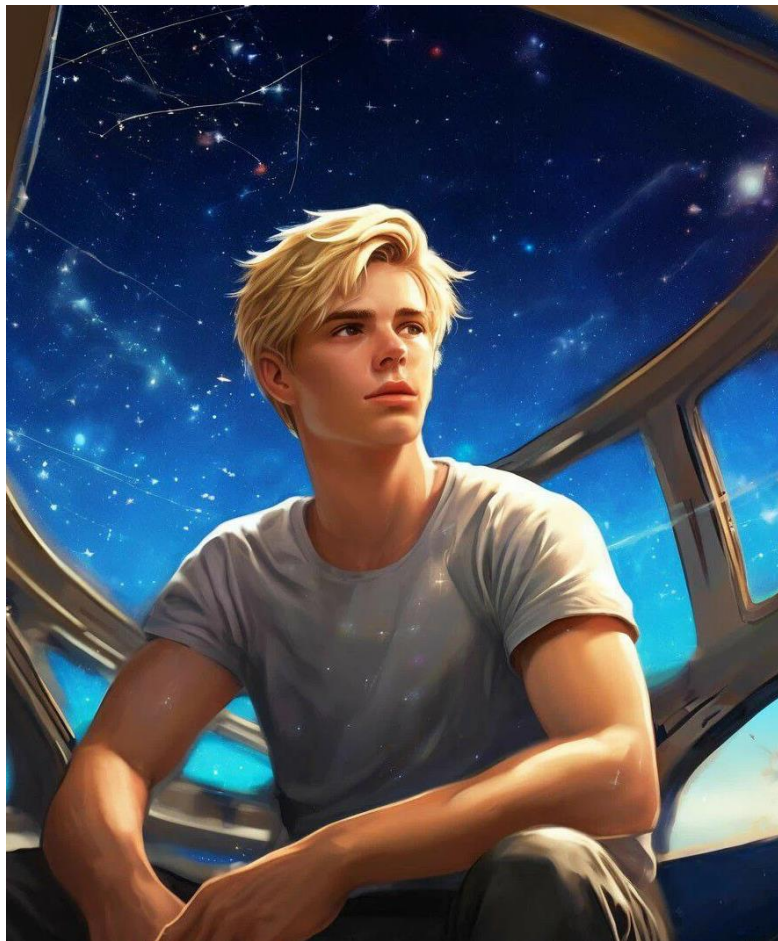
*Рами Ант,
Инженер двигательных систем*

*Найя Матар,
Астроном*

*Свея Люми,
Астронавигатор – 1*

*Тео Стайн,
Астронавигатор – 2*